

ОЛЬГА КУНО

ТРОЧНЕЕ
ОКОВ

18+

Ольга Куно

Прочнее оков

«Автор»

2026

Куно О.

Прочнее оков / О. Куно — «Автор», 2026

Она свободная состоятельная женщина; он раб, лишённый любых человеческих прав. Она путешествует по континенту и выполняет поручения министра иностранных дел; его жизнь ограничена замком эксцентричной герцогини. Она искренне признаётся, что не умеет любить; он ненавидит женщин. Его приводят к ней в спальню в качестве знака гостеприимства, как могли бы прислать бутылку дорогого вина. И что теперь делать? Принять подарок, словно всё идёт как должно? Устроить герцогине скандал? Выкупить раба, чтобы сразу же послать его на все четыре стороны? Но уж точно не путешествовать по полной опасностей дороге вместе с тем, кто горячо ненавидит и её, и себя! Ведь никому не известно, куда может завести такой путь. Но когда враги начнут на неё охоту, а мир политических интриг сгустится вокруг, этим двоим придётся решить, кем они готовы стать друг для друга. И какую цену готовы заплатить за свободу.

© Куно О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	49
Глава 11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ольга Куно

Прочнее оков

Прочнее оков
Ольга Куно

Глава 1

Роскошный резной стол из фиолетового дерева, растущего лишь за Бирюзовым морем, был чрезмерно велик для пятерых ужинающих даже по меркам королевского дома Дилии. Об этом я могла говорить с уверенностью, поскольку трапезничать при дворе мне доводилось. Однако здесь, в Сильверийском герцогстве, любили роскошь. К тому же стол, каким бы огромным ни был, в буквальном смысле ломился от блюд. А уж от ароматов, которые они источали, у меня попросту кружилась голова. Я аккуратно отправила в рот маленький кусочек красной рыбы и, прожевав, любезно улыбнулась графине Альтелло, близкой подруге герцогини.

- Вы, кажется, хотели что-то спросить?

- О, это так мило с вашей стороны! – просияла она. – Мне действительно очень любопытно: что же, фижмы в Дилии уже вышли из моды?

- К счастью, да. – Я ненадолго отложила вилку, чтобы прижать руку к груди. – Если спросите моё мнение, они и так продержались слишком долго. Всё дело в том, – я слегка понизила голос, словно нас мог услышать кто-то посторонний, – что прежняя фаворитка его величества их обожала. Фрейлины буквально навзрыд рыдали, но куда же тут денешься? И главное, во всех соседних государствах давно с этой мерзостью расстались как с пережитком прошлого, а мы всё никак.

- А что же теперь? – любопытствовала герцогиня, с интересом прислушивавшаяся к моему рассказу.

- Король завёл новую фаворитку, – улыбнулась я. – А у неё, ко всеобщей радости, совсем другие пристрастия в одежде. Она любительница так называемой демократичной моды.

Я опустила в должной степени скромный взгляд на собственное платье из зелёного сатина с золотым шитьём.

- А мне, признаться, немного жаль, что здесь эту деталь так и не позаимствовали, – вздохнула графиня. – Всё-таки это очень эффектно.

- Ну конечно, эффектно! – поспешила согласиться я. – Эффектно и красиво, тут не может быть двух мнений. Но вы представьте себе, каково это – всякий раз проходить в дверь так, будто вы несёте на себе лодку. Нет, я этот ужас надевала только во дворец. Возвращалась домой – и сразу же от него избавлялась, сразу! Ох, простите, граф, я, наверное, позволила себе лишнее. Надеюсь, я не слишком вас смутила?

- Ну что вы, что вы, – усмехнулся в рыжие усы бойкий мужичок лет пятидесяти, сидевший по левую руку от графини.

Стоит отметить, для единственного мужчины за столом он держался вполне неплохо.

В одном из установленных на столе канделябров догорела свеча, и лакей незамедлительно заменил её на новую. Я как бы между прочим окинула взглядом зал. Много свечей, очень много, и ни одной колдовской лампы. Похоже, у них здесь серьёзная нехватка магических аппаратов. Сильверийцы явно используют колдовство только там, где не существует альтернативы. Иными словами, вынуждены экономить ресурсы. Это хорошо. Я мысленно сделала пометку: непременно сказать министру, что магия – перспективное направление для торговли.

От созерцания светильников и сопутствующих мыслей меня отвлекла девушка, поднесшая блюдо с мелкими оранжевыми осьминогами.

- Благодарю вас.

Я благосклонно кивнула, с удовольствием наблюдая за тем, как морепродукты один за другим кочуют в мою тарелку.

Симпатичная кстати девушка. Рыженькая с веснушками. Только вот платье немного безвкусное: слишком короткое, да и с декольте перебор. И каблуки высоковаты, для такой-то

работы. И... Ах, вот оно что. Клеймо на левой руке чуть пониже локтя расставило все точки над «и». Рабыня. Стало быть, что сказали, то и надела, тут претензии не к ней.

Я сделала вид, что сосредоточена на осьминогах, чрезвычайно аппетитных, но уж очень горячих, и мысленно потянулась к эмоциям рыженькой. Хорошо, что у меня многолетняя закалка, и я умею сохранять невозмутимый вид практически в любых обстоятельствах. Потому что меня обдало такой волной ненависти – будто прямо на голову вылили ведро ледяной колодезной воды.

- Невероятно вкусно! – воскликнула я, обмакнув губы салфеткой. – Я у вас здесь прибавлю несколько фунтов.

- О, я так рада! – заверила герцогиня. – Признаться, мы побаивались, что вам наша здешняя еда придётся не по вкусу. Поэтому я на всякий случай распорядилась приготовить несколько видов мяса.

- Ну что вы, - запротестовала я, - как можно есть мясо, когда у вас столько замечательной рыбы и всех этих морских гадов! Просто не могу остановиться. Не поймите меня неправильно, я, конечно, люблю свою страну, но здесь у вас сразу начинаешь понимать, как это тоскливо – жить далеко от морского побережья.

- Да, даров моря у нас в избытке, - с удовольствием подтвердила хозяйка дворца.

- Скажите, а закупать у вас такие морепродукты можно? Или они в дороге непременно испортятся?

- Ну почему же? Вот с вашими холодильными камерами как раз и не испортятся. – Герцогиня лукаво улыбнулась. – Что скажете, леди Стэнфорт? Замолвите за нас словечко?

- Даже и не сомневайтесь, дорогая! Я думаю, более взаимовыгодное сотрудничество трудно себе представить.

Герцогиня радостно захлопала в ладоши. Не знаю, как ей это удавалось с таким количеством крупных перстней. У нас даже одно такое кольцо сочли бы вульгарным, но сообщать об этом первой женщине Сильверии явно не стоило.

- Попробуйте заморского красного вина. Его совсем недавно доставили. Очень интересный букет.

Повинуясь строгому взгляду, рыжая девчушка поставила блюдо с осьминогами на край стола и принялась разливать вино. Но, когда она подошла к графине, узкий каблук подвернулся, и немного вина пролилось на скатерть.

- Будешь наказана! – дрожащим от гнева голосом произнесла герцогиня, в то время как побледневший лакей, стараясь не привлекать к себе внимания, быстро вытирал пятно салфеткой.

- Не стоит, милая. – Баронесса Азалина фон Глосс, управляющая финансами герцогства и пятая трапезничающая за нашим столом, дружески накрыла руку хозяйки своей ладонью. – Не надо наказывать девочку. Лучше пришли её сегодня ко мне. Мне такие нравятся.

Она окинула фигуру рыженькой одобрительным взглядом, особенно задержавшись на декольте. Ненависть в ощущаемом мною эмоциональном фоне смешалась с ужасом: видимо, наказания рабыня боялась меньше, чем Азалины.

- Поразительное вино! – воскликнула я, наспех пригубив из бокала и даже не успев ощутить вкуса. – Это то самое, новое? Что же в него добавляют?

- Очень рада, что вам понравилось! – просияла герцогиня и снова повернулась к финансистке. – Конечно, дорогая. Она будет у тебя ровно в полночь, не сомневайся.

Мой манёвр не удался: про рабыню хозяйка дворца не забыла. Что ж, я сделала, что могла. Не она первая, не она последняя. Я в герцогстве человек случайный, послезавтра, слава Квадре, отправлюсь домой. О да, Дилия – далеко не рай на земле, и король наш, сказать по правде, тот ещё самодур, но во всяком случае рабство у нас отменили три столетия назад.

- Насколько я знаю, это какой-то особый сорт вишни. Леди Одри?

Хмурясь, я повернулась на звук своего имени. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять: слова герцогини про вишню были обращены ко мне.

- О, я так и подумала, что это какие-то ягоды, но никак не могла определить точнее. Как изысканно!

- Я непременно велю дворецкому приготовить вам в дорогу несколько бутылочек.

- У меня нет слов! Вы так добры. Если я могу что-то сделать для вас в благодарность...

- Мы же уже договорились, что вы замолвите за нас словечко. И скажете министру, что торговля с Сильверией – это единственно правильное решение.

И снова очаровательная, чуть лукавая улыбка. Неужели она не чувствует, как со всех сторон фонит ужасом и ненавистью? От рыженькой, от лакея, от стражника, стоящего у дверей с дурацким доисторическим копьём, и даже от дворецкого? Впрочем, о чём это я? Конечно, она не чувствует. Для этого нужно быть магом и, больше того, обладать редким на сегодняшний день даром ментальной направленности.

Про менталистов болтают много глупостей. Будто бы мы умеем читать мысли, как если бы подслушивали разговор человека с самим собой. Или читали текст в открытой книге. Такого, конечно же, не бывает. Мысли обрывочны и быстры, к тому же они далеко не всегда складываются в слова. Мыслить умеют не научившиеся говорить младенцы, глухонемые, никогда не знавшие ни одного языка, и даже некоторые животные, из тех, что поумнее. Мысль это не «та же самая речь, только не вслух». Это не надпись, и прочитать её ни один человек не в силах.

Способности менталистов значительно скромнее. Мы ощущаем эмоции. Те из них, что наиболее осознанны и сильны. Мы можем уловить ауру страха, всплеск ярости, лавину нежности. Мы знаем, от кого именно исходит то или иное чувство. Но этим наши возможности исчерпываются. Всё остальное мы узнаём из контекста. Из собранной по крупицам информации, выражения лиц, из взглядов и жестов, интонаций и языка тела. Всё это умеют и остальные, на уровне инстинктов, кто-то более осознанно, кто-то менее, даже те две трети человечества, что не наделены никакими магическими способностями.

И эти люди, женщины и мужчина, сидящие со мной за одним столом и ощущающие себя властителями вселенной, вполне могли бы понять, как реагирует на них собственное окружение. Но не желают понимать, и это их выбор. Так же, как мой выбор – не изображать из себя принца на белом коне. Простите, принцессу. И не размахивать, курам на смех, метафорическим мечом своих моральных ценностей. Я здесь не для того, чтобы изменить мир или даже отдельно взятое герцогство. Я – глаза и уши Ардида вен Сольдо, министра иностранных дел Дилии. Моя задача – собирать для министра информацию. Вот этим я и занимаюсь.

Уверена, весь этот поток размышлений никоим образом не отразился на моём лице, и тем не менее герцогиня с лёгким беспокойством произнесла:

- Надеюсь, мы не слишком шокировали вас, леди Стэнфорт? Нам следовало вести себя более сдержано. Я понимаю, что на вашей родине социальная иерархия устроена совсем иначе.

- Ну что вы, герцогиня! – Я натянула на лицо светскую улыбку. У меня их было немало в запасе, этих улыбок – светских, ироничных, кокетливых, понимающих – и я надевала их по мере необходимости, как перчатки. – Я ведь помощница министра иностранных дел. Это моя работа – понимать и уважать иные культуры. Путешествовать по разным странам и познавать новое – что может быть интереснее?

Враньё, почти от начала и до конца. Нет, конечно, понимать чужие культуры по роду моей службы необходимо. Но уважать их априори, независимо от того, что они из себя представляют? Чёрта с два! И новое познавать я не слишком люблю, особенно когда дело касается людей. Во-первых, в последние годы им удаётся удивить меня довольно редко. А во-вторых, когда удаётся, это чаще всего бывают неприятные сюрпризы.

Но никому ведь и не нужно, чтобы я говорила правду, не так ли? Люди предпочитают слышать то, что им удобно и приятно. Не будем их разочаровывать.

- Вот это здравый взгляд на вещи, - подключилась к беседе Азалина фон Глосс. – Я вам так завидую! Мне бы тоже хотелось попутешествовать. Но это так редко удаётся.

Она страдальчески вздохнула, а я поспешила нацепить сочувственный взгляд.

- Кстати о путешествиях, на пристань прибыл большой корабль с полуострова Пелье, - заметила графиня. – Говорят, они будут стоять у нас неделю, распродавать товары. Там может быть что-то интересное.

- Даже не знаю, если только присмотреть пару новых скульптур, - с сомнением протянула Азалина. – В последнее время они не привозят ничего по-настоящему необычного. Всё те же вина, всё те же жемчуга... Рабы поначалу были интересны, но тоже как-то приелись.

- Экзотика вообще быстро приедается, - заметила герцогиня. – Впрочем, леди Одри, если вас это заинтересует, мы можем немного изменить нашу завтрашнюю программу и отправиться на пристань.

- Нет, благодарю вас, - покачала головой я. – Меня и так ожидает долгая дорога домой.

Глава 2

К моменту, когда я наконец-то оказалась в своей спальне, у меня совсем не осталось сил. Воистину, пустые разговоры утомляют порой почище работы. Впрочем, в моём случае они и были работой, и кое-какую полезную информацию мне удалось извлечь. Немного отдохну – и сделаю записи, с которыми по возвращении отправлюсь к министру.

Любезно предоставленная в моё распоряжение горничная (свою я с собой не возила, предпочитаю путешествовать в одиночестве) помогла мне избавиться от корсета и облачиться в удобное платье-неглиже. Она также принесла вино, фрукты и клубничный сок, положила на столик запасные свечи, а затем с моего разрешения оставила меня одну. Я блаженно выдохнула. Тишина, спокойствие, комфорт. Не надо поддерживать нудных бесед, не надо примерять маски, можно спокойно распоряжаться своим временем.

Я бросила взгляд на напольные часы, громоздкие и кричаще дорогие, как, в общем-то, и всё в этом дворце. Не то чтобы в других дворцах обстановка была особенно скромной, и всё-таки жилище герцогини выделялось откровенной безвкусицей. Впрочем, возможно, это следовало списать на пресловутое различие культур. То, что считается безвкусным у нас, здесь, в герцогстве, много торгующем с Заморьем, могло оказаться вполне уместно и даже изысканно.

Время детское: половина десятого. Я легла спать далеко за полночь, посвящая поздние часы чтению и работе. Это, конечно, в тех случаях, когда мне не следовало присутствовать по долгу службы на светском рауте или на балу, каковые обычно заканчивались очень поздно. Что ж, решено: сейчас я прилягу, немного отдохну, очищу свой ментальный фон от магически перехваченных эмоций, а затем сяду за работу, благо помимо напитков и фруктов на столике имелись бумага и чернила.

Дверь открылась и закрылась практически беззвучно, но огоньки на свечах заколебались от движения воздуха, и это заставило меня обернуться. И обнаружить, что в спальне я уже не одна. Лицом ко мне стоял молодой мужчина, босой и совершенно обнажённый выше пояса, из одежды на нём были лишь простые чёрные штаны. Тёмные волосы почти доходили до плеч. На левой руке, чуть ниже локтевого сгиба – такое же клеймо, как и у давешней рыженькой девушки. А на запястьях – отчётливые красные следы кандалов. Это уже в отличие от девушки.

Красивый. Причём мужской красотой, не смазливой. Правильные черты лица, высокий рост, в меру широкие плечи. Мускулатура впечатляла. Те, кто его сюда отправил, определённо знали, что делают, велев ему прийти без рубашки.

Раб. И мне примерно понятно, из какой категории.



- Госпожа герцогиня прислала меня в ваше распоряжение.

Говорит вроде бы то, что положено в таких случаях. Только голову держит слишком высоко, и в глаза смотрит, хотя это как раз-таки не положено, а во взгляде плещется такая ненависть, что мне на секунду стало не по себе.

И как ты при таком поведении ещё жив, парень? А, самое главное, что мне с тобой делать?

Черти бы их побрали, здешних гостеприимных хозяев! Для гостей – всё самое лучшее, не так ли? Тем более для такой высокопоставленной гостьи. Они ведь заинтересованы в прочных отношениях с Дилией. Поэтому готовы сдуть с меня пылинки. Лучшие яства, лучшее вино, лучшая комната, лучший раб.

Идиоты. Нет слов. Вот она, радость знакомства с иными культурами, чтоб они провалились.

Я основательно разозлилась и собиралась указать незнакомцу на дверь и потребовать, чтобы он вышел вон. А потом ещё, может быть, закатить скандал, это уже по настроению. Но в последний момент передумала.

Оглянулась, посмотрела на кровать. Широкая. И даже подушки предусмотрены на двоих. Вряд ли, конечно, они заботились об удобстве рабов; наверное, здесь просто так принято. Я тяжело вздохнула.

- Ладно, оставайся. – Я кивнула в сторону кровати. – Одно условие: мне не мешать и не шуметь. Понятно?

Он молча кивнул. Ну вот и хорошо. Я, конечно, рассчитывала на одиночество и тот покой, которое оно с собой приносит. Но что поделать? Жизнь полна неприятных сюрпризов, и этот – далеко не самый страшный.

Так что я решила придерживаться недавних планов на этот вечер, с небольшой поправкой на относительный дискомфорт. Итак, первым делом – передохнуть.

Я взяла книгу, не из тех, что лежали на полке, а ту, которую привезла с собой и успела прочитать лишь до середины. Легла на ту половину кровати, которую изначально для себя присмотрела. Сотворила магический светильник (терпеть не могу ограничиваться свечами, даже когда на них не экономят), открыла нужную страницу... и поняла, что на чтение нет настроения. Что ж, тогда просто пассивный отдых, может быть, даже дыхательные упражнения. Я отложила книгу на тумбочку, накинула одеяло на ноги (большего не требовалось, здесь, в прибрежной зоне, вообще тёплый климат), и повернулась на правый бок, лицом к двери.

Стоило мне немного расслабиться, как оголённого плеча внезапно коснулась чужая рука. Я вскрикнула от неожиданности и вскочила, разворачиваясь. Прикрыться не пыталась, а вот магию к кончикам пальцев призвала. Я, конечно, не боец, серьёзную атаку отразить не смогу, но минимально постоять за себя против одного противника сумею.

Нет, не поймите меня превратно. Я не девственница и не ханжа. Лет мне не так уж мало, и что делать с полуодетым мужчиной я в принципе представляю. Но не с совершеннейшим же незнакомцем, которого впервые увидела несколько минут назад, которого не выбрала себе сама и который, ко всему прочему, тоже явился сюда не по своей воле. В придачу он явно на несколько лет моложе меня, что делает ситуацию ещё более дикой. Нет, он не ребёнок, мне, как-никак, тридцать один, к тому же, учитывая его...специализацию, я вряд ли могла бы научить его хоть чему-то новому. Кроме разве что здоровых отношений, но, говоря откровенно, я и сама в этом не сильна. Просто всё это в высшей степени ненормально.

Магию я, конечно, сразу отозвала. Это я в первый момент, с перепугу да на инстинктах. Ничего он мне не сделает, к тому же я в любой момент могу позвонить в колокольчик и вызвать горничную.

- Не смей ко мне прикасаться! – рявкнула я, слезая с кровати.

Он тоже поднялся, хмурия брови. На лице – гамма эмоций, самая сильная из которых – удивление. Хотя и неприязнь недалеко ушла.

- Почему же в таком случае вы сразу меня не отослали?

Потому что я немного разбираюсь в «иных культурах». И знаю, как наказывают таких, как ты, если их сразу отсылают. Но не должна же я это озвучивать. А ты, строго говоря, не должен задавать мне вопросов, за это у вас тоже наказывают.

- Значит, так. – Я устало вздохнула, немного подумала над формулировкой и продолжила. – Меня не трогать. Не дёргать, не прикасаться, не мешать. В остальном – бери здесь что хочешь и делай что хочешь. Вопросы есть?

Вопросов не было. Вот эмоциональный фон – был. Всё тот же, агрессивный, злой. Злость направлена не на меня лично, скорее я просто представляю в этой комнате определённое сословие. Тот факт, что именно сегодня мне не захотелось развлечений, никак меня не реабилитирует.

Ну да ладно, чужая ненависть мало меня беспокоит. Во избежание новых недоразумений я накинула халат, хотя запахивать его не стала (слишком жарко), лишь небрежно повязала пояс. Сотворила ещё один светильник, на этот раз над столиком, и взялась за перо.

«Перспективы торговли. Пункт 1. Рекомендуются закупать в Сильверии рыбные изделия и морепродукты. Высокое качество, заполнит пустующую нишу нашего рынка. Без сомнений подходит для королевской кухни. Потребуется обеспечить сильверийских купцов холодильными камерами».

Я обмакнула перо в чернильницу и продолжила.

«Перспективы торговли. Пункт 2. Очень перспективным направлением может стать продажа в Сильверию наших магических аппаратов. Осветительные приборы, холодильные камеры, защитные амулеты, зеркала связи, медицинские зелья, самонакладывающиеся повязки и прочая».

На листок упала тень, и я обернулась, чтобы предсказуемо увидеть раба, глядящего мне через плечо. Провела ладонью над листком, и текст моментально сделался невидимым.

- Ты что, обучен грамоте? – не без удивления спросила я.

В самом деле, не для того же его здесь держат. Вряд ли герцогиня и её гости приглашают его почитать им на ночь.

- Что вы, куда уж нам? – откликнулся он таким тоном, что я сразу поняла: обучен и, возможно, даже несколькими языками.

- Вон там, - я указала себе за спину, - книжные полки. Бери любой фолиант и читай. Могу сотворить ещё один светильник. А это, - я постучала по стопке бумаг на столе, - не для посторонних глаз.

Он отступил на несколько шагов и остался стоять недалеко от кровати. На полки даже не посмотрел. Эмоциональный фон неясный, голову держит всё так же, высоко поднятой. Действительно красив, ничего не скажешь. В этом высшем свете герцогства не откажешь: они умеют выбирать всё лучшее и удовлетворять любые свои страсти.

Я отвернулась: продолжать пялиться на раба было неловко, хотя, уверена, это самое невинное действие из тех, к которым он давно привык. Я налила себе сока, аккуратно, стараясь не капать на бумагу, выпила и промокнула губы салфеткой. Отбросив её на край стола, взглянула на часы. Пять минут одиннадцатого. Иными словами, полчаса уже прошло. Вполне достаточно...

Немного подумав, я развязала пояс и скинула халат. Слегка взлохматила волосы и позволила в колокольчик. И, не дожидаясь ответа, распахнула дверь.

Горничная как раз подбегала по коридору, но её опередила кастелянша, строгая дама лет пятидесяти в длинном закрытом платье. По лицу сразу видно: эта из тех, кто любит всё контролировать.

- Я сама позабочусь о госпоже госте, - произнесла она, и горничная, послушно присев в реверансе, поспешила прочь. – Чем могу быть вам полезна, госпожа?

Тон её мгновенно изменился, теперь голос прямо-таки сочился мёдом.

- Видите ли... - Я стрельнула глазами в сторону комнаты, наполовину прикрыла дверь и, понизив голос, произнесла: - Мне очень понравился ваш мальчонка. Такой, знаете... как я люблю. Могу я оставить его на всю ночь? Скажем, до полудня?

Ответ последовал незамедлительно: видимо, кастелянша имела на сей счёт совершенно чёткие указания и потому не размышляла ни секунды.

- Ну конечно, госпожа! Всё, чего пожелаете! Быть может, прислать вам кого-нибудь ещё? Другого мужчину? Или, может быть, женщину?

Я с трудом удержалась от желания закатить глаза. Я и так распрощалась с мечтами об одиночестве, так мне теперь что, весь дворец собрать в своей скромной спальне?

- Нет, благодарю вас, - вежливо ответила я. - Мне приглянулся именно этот. Хочу, так сказать, изучить его со всех сторон.

Кастелянша понимающе улыбнулась.

- Конечно, госпожа. Всё, что пожелаете. - Немного поколебавшись, она добавила: - И, если вдруг что-то пойдёт не так, сразу же дайте нам знать. Иногда этим людям надо напоминать, где их место. Мы умеем это делать.

- Благодарю вас!

Ослепительно улыбнувшись, я захлопнула дверь у неё перед носом. Если бы нос удалось защемить, было бы приятнее (я даже извинилась бы потом, мне не жалко), но увы, кастелянша оказалась на удивление прыткой. Интересно, она тоже пользуется рабами, так сказать, в личных целях? Не исключено. Но что-то меня от таких мыслей подташнивает.

Я посмотрела, нет ли на двери засова: очень хотелось таковым воспользоваться. Но увы, замочная скважина имеется, а ключа нигде не видно. Так что я развернулась – и сразу наткнулась на пристальный взгляд.

- Могу я спросить, что так понравилось госпоже?

- Госпоже очень понравилось, как она провела последние полчаса, - буркнула я, довольно-таки зло.

Я сердилась на всех вокруг за эту идиотскую ситуацию. В том числе, совершенно иррационально, на того, кто без приглашения ввалился ко мне в спальню и из-за кого я теперь не могла провести эту ночь с должным комфортом.

- Просто ложись спать, - проронила я затем и, отвернувшись, шагнула к столику.

- Полагаю, я должен быть безумно благодарен? – бросили мне в спину, резко, будто вонзили кинжал между рёбер.

Похоже, не одна я здесь испытываю иррациональную агрессию.

- Ты должен молчать и меня не дёргать. И тогда безумно благодарна буду я.

Жёсткость тона должна была чётко протранслировать, что на чувство благодарности я настроена не больше, чем мой незванный сосед по комнате.

Сев за стол и слегка передвинув висящий в воздухе магический светильник, я снова взялась за перо.

«На основе наблюдений, проведённых в приграничных поместьях, в столице и в герцогском дворце, включающих среди прочего прослушивание эмоционального фона, могу утверждать с высокой степенью вероятности, что в течение ближайшего года, максимум двух, в Сильверии произойдёт бунт. На это указывают условия содержания порабождённых, равно как и спектр эмоций, ими испытываемых. По этой причине рекомендую как можно быстрее приступить к выполнению пункта 1 торгового сотрудничества. Не исключено, что в скором времени окно возможностей закроется в связи с нестабильной ситуацией в герцогстве. Что же касается пункта 2, следует отметить, что в случае восстания потребность в магической аппаратуре, имеющей отношение к выживанию, медицине и некоторым другим видам использования возрастёт, что позволит нам повысить цены».

Перечитав собственные записи, я посыпала листок кварцевым песком и снова провела над ним рукой, чтоб текст стал невидимым. Затем, нарочито игнорируя мужчину, сидевшего к этому моменту на краю кровати – напряжённо и с идеально ровной спиной, – легла, снова повернувшись лицом к двери и одним движением погасила все магические светильники.

Некоторое время ушло на то, чтобы расслабиться, невзирая на присутствие постороннего. Отключиться от его ментальной ауры и загасить собственные мысли на этот счёт. Лёгкое защитное заклинание – не столько даже оборона, сколько привлекающий внимание сигнал в случае нападения. Хотя никакого нападения, конечно, не будет: при подобном риске раба не прислали бы к высокой гостье. К счастью, я давно не наивная чувствительная барышня и умею смотреть на события отстранённо. Первое дыхательное упражнение позволило почти полностью отключиться от неприятных событий сегодняшнего вечера. Посреди второго я уснула.

Шторы были плохо задёрнуты, и около пяти часов утра я проснулась от заглянувшего в комнату солнца. На кровати никого не было – кроме меня, разумеется. Лишь поднявшись, чтобы исправить ошибку горничной и как следует занавесить окно, я обнаружила раба спящим на полу. Точнее говоря, на ковре, но не более того: он даже подушку с кровати не взял, хотя их там имелось целых четыре штуки. Впрочем, как нравится, так пускай и спит, лишь бы ко мне не лез.

Возвратив в комнату относительную темноту, я снова забралась под одеяло и почти мгновенно заснула. Когда же окончательно проснулась ближе к полудню, в спальне никого не было.

Глава 3

В тот день у нас была довольно интенсивная программа. Мы с герцогиней посетили крупнейшую картинную галерею Сильверии. Затем отправились к Нетающему льду, памятнику, воздвигнутому в честь всех магов, загубленных в герцогстве во времена гонений. В Дилии, к счастью, до подобных зверств не доходило, а вот в Сильверии на протяжении нескольких веков всех, кто был уличён в колдовских способностях, сжигали на кострах. Этот «обычай» пришёл из заморских стран, с которыми у герцогства всегда был тесный контакт. Такие исторические события, конечно же, не могли остаться без последствий. Именно из-за массовых сожжений в Сильверии почти не осталось магов. Отсюда отсутствие не только колдовского персонала, но и магических аппаратов, каковые у нас мог позволить себе любой горожанин среднего достатка.

Потом была школа для математически одарённых девочек, открытие крупнейшего на континенте зоопарка, включавшее довольно нудную лекцию директрисы о сохранении баланса между человеком и природой – и, наконец, возвращение во дворец. Там мы с герцогиней подписали пару малозначащих бумаг (по-настоящему важные решения уполномочен принимать лишь министр, с согласия его величества), она передала мне несколько писем для представителей дилийской знати, и после непродолжительного отдыха я спустилась к ужину.

На сей раз за столом собралось двенадцать человек, притом исключительно женщины. Графиня Альтелло, на сей раз явившаяся без мужа, объяснила, что нынешней ночью отмечается некий дамский праздник, День святой Эделлы. На мой вопрос о том, как именно этот праздник следовало отмечать, графиня ответила довольно туманно. Насколько я поняла, было принято есть, пить и веселиться, детали же принципиального значения не имели.

Пили действительно много: рабы буквально не успевали заполнять бокалы. К слову, вчерашнюю рыжеволосую девушку я тоже заметила, очень бледную и с синевой под глазами; она разносила исключительно еду, к напиткам её не подпускал внимательно следивший за ходом ужина дворецкий.

Когда с едой было покончено, дамам захотелось музыки, и мы перебрались в музыкальную гостиную. Специально приглашённая пианистка играла популярные мелодии, а гости пели, крайне редко попадая в такт. Со словами дело обстояло чуть лучше, поскольку для сего развлечения заранее подготовили листки с текстами песен. Однако от количества выпитого чтение давалось дамам всё тяжелее, и я, немного помагичив, обеспечила крупную проекцию куплетов и припевов на стене зала.

- Ещё вина! – воскликнула графиня, когда отзвучала очередная песня в ужасном исполнении.

- Вина и мужчин! – провозгласила её подруга.

Последнее предложение было встречено громкими одобрительными возгласами.

- У нашей дорогой герцогини всегда самые лучшие мальчики! – заверила Азалина.

- Благодарю вас за доверие, дамы! – Первая леди Сильверии, вне всяких сомнений, воспринимала сказанное как комплимент. – Но давайте сперва дождёмся традиционного тоста в полночь. Все прочие развлечения – потом. Главное, не волнуйтесь: я заранее приказала подготовить рабов. А пока давайте споем ещё. Что-нибудь трогательное.

Не уверена, что мне доводилось наблюдать нечто более нелепое, чем опьяневших прожигательниц жизни, пытающихся исполнить трогательный романс охрипшими голосами. В какой-то момент мне удалось выловить хозяйку и, отведя её подальше от эпицентра шума, почти честно сказать:

- Герцогиня, боюсь, что я немного устала. Надеюсь, вы и ваши гости не будете обижены, если я удалюсь к себе. Это был очень насыщенный день.

- Конечно, конечно, леди Одри! – воскликнула она, дружеским жестом коснувшись моего плеча. Совершенно неприемлемо в Дилии, но здесь, напротив, признак высочайшего расположения. – Но, если захотите присоединиться, мы будем вас ждать! Я всё про вас знаю! – с заговорщицеской улыбкой сообщила она. – Вы не скучали прошлой ночью! Так что, если пожелаете провести следующую ночь ещё веселее, дерзайте! Вы не пожалеете.

- Благодарю вас! – Я нацепила на губы очередную заготовленную улыбку, понимающую и в меру порочную, и тут же прикрыла её веером. – Непременно обдумаю ваше предложение.

Горничная проводила меня в спальню и помогла переодеться, как и в прошлый раз. Спать! На этот раз просто спать, закончить свои записи успею позднее. Плечи болели, туфли натёрли ноги, а голова до сих пор гудела от невыносимого шума, устроенного дамами внизу. Вот вам и высший свет. Культура, образование, изысканность. Общество, попасть в которое мечтают все от мала до велика. И не стоит обманывать себя. Да, в нашей столице дамы как правило ведут себя более пристойно. Но это потому, что наше общество более патриархально, чем сильверийское. Так что полноценно раскрепощёнными себя чувствуют только мужчины.

Я умыла лицо тёплой водой из принесённого горничной таза, вытерлась мягким белым полотенцем и буквально упала на кровать. Освобождённые от заколок и шпилек волосы разметались по подушке. Взгляд скользнул по нетронутой половине постели. События вчерашнего вечера, основательно поблекшие за день, начали вновь прорисовываться в памяти.

Я села на кровати и застонала в голос. Нет! Только не это. Какое мне, в сущности, дело? Не моя страна, не мой мир, не мои проблемы. Я насмотрелась чужой боли на всю свою жизнь, я пропустила её сквозь себя, я знаю, что это такое, когда эмпатия не даёт дышать, полностью парализуя тело и разум. Я научилась с этим бороться. Слышать чужие чувства, но отгораживаться от них на эмоциональном уровне. О да, я воздвигла вокруг своей души очень крепкую ограду. Но этические нормы никто не отменял.

С очередным стоном я встала с кровати и позвонила в колокольчик. Горничная появилась очень скоро, спать она, видимо, ещё не ложилась. Да, может, сегодня в честь праздника им и вовсе спать не положено.

- Что-то не могу уснуть, - пожаловалась я, на сей раз примерив капризное выражение лица. – Скажи, милая, а могут мне привести того же, вчерашнего, мальчика?

- Думаю, да, госпожа. Я немедленно передам нашей кастелянше, уверена, она всё устроит.

Она присела в реверансе. Сама заботливость и исполнительность. Об остальном по лицу и не скажешь. А оно есть, это остальное, я-то чувствую. Эдакая гремучая смесь, но уж точно никакого дружелюбия. Скорее презрение и что-то ещё... Неужели зависть? Да, пожалуй.

Впрочем, что тут удивительного? Простым горничным точно не перепадает от хозяйских щедрот. А молодой человек, если вдуматься, правда красив. Ну, извини, милая, тут тебе не повезло. Но можешь не завидовать так сильно: мне он не нужен.

Я даже не успела в полной мере смириться с мыслью о том, что не смогу провести эту ночь наедине с кроватью, а они уже пришли. Вдвоём: кастелянша привела раба. Горничной видно не было, но как знать, может, она и караулила где-нибудь поблизости.

На этот раз он выглядел иначе, чем вчера. Рубашка с широким воротником, вполне приличные брюки. Вид в чём-то даже аристократический, можно было бы не догадаться, что раб, благо рукава длинные, и клейма не видно. Вот только одна деталь: на сей раз на руки надеты кандалы. Похоже, герцогиня сказала правду: рабов действительно подготовили, ну, а какие у дам вкусы – это ей уже виднее.

Кастелянша втолкнула мужчину в спальню, сама же осталась на пороге.

- Он к вашим услугам, госпожа. Позволю себе спросить: вы, как и вчера, оставите его на всю ночь, или я могу забрать его через пару часов к остальным гостям?

Я прислушалась к её эмоциональному фону и сразу же об этом пожалела. Святые угодики, да она же его желает, причём так страстно, что неясно, как до сих пор из платья не

выпрыгнула! Меня и то смутила вчера разница в возрасте, а ей он и вовсе в сыновья годится. Я почувствовала тошноту. Чтобы хоть как-то переключиться, настроилась на его эмоции, и на этот раз меня захлестнула волна омерзения.

- На всю ночь, - заявила я и, глядя кастелянше прямо в глаза, нагло добавила: - Не люблю делиться.

Пусть теперь давится от злобы и посылает на мою голову проклятья. Ах, да, чуть не забыла.

- И вот это снимите. - Взгляда на кандалы было достаточно, уточнений не потребовалось. - Я придерживаюсь того мнения, что мужским рукам всегда можно найти применение.

- Как прикажете, - буркнула кастелянша. Ей было потруднее прятать свои чувства, чем горничной. Видимо, потому что она чаще получала то, что хочет.

Ключ она изначально держала наготове: вероятно, собиралась оставить его мне. Так что долгой заминки не возникло. Под моим пристальным взглядом она поклонилась и, не имея больше поводов для задержки, вышла вон.

Мы с рабом снова остались наедине. Вот радость-то.

Какое-то время мы оба молчали. И не двигались.

- Какое применение моим рукам нашла госпожа?

Смотрит немного мимо меня, а интонация совершенно нейтральная. Всерьёз спрашивает или с сарказмом, не определить. Вернее, если б я прислушалась к ментальному фону, наверное, почувствовала бы, но ну их всех к чертям в этом дворце, надоели мне их эмоции – не передать. Главное, применение рукам действительно было.

- Видишь на столике салфетку?

Я приподняла руку, сложив ладонь ковшиком. Он понял, взял то, что я попросила, и перекинул мне. Подойдя к двери, я присела на корточки и с помощью салфетки как следует заткнула замочную скважину. Теперь любителей подглядывать ждёт разочарование. Надеюсь, что и любителей подслушивать тоже, по меньшей мере я усложнила им жизнь.

Что ж, уже неплохо. Осталось разобраться с тем, кто в комнате.

- Значит, так. В ближайшее время у герцогини состоится оргия. Если тебе такое нравится, отправляешься прямо туда. - Я демонстративно отступила на шаг в сторону, освобождая дорогу к двери. - Если тебе такое не нравится, остаёшься здесь, и мы служим друг другу прикрытием. Ты не участвуешь в оргии, потому что я тебя вызвала. Я не участвую... тоже потому, что я тебя вызвала. Годится?

Вот будет забавно, если он сейчас с энтузиазмом направится к выходу! С чего я, собственно, вообще взяла, что ему не понравится идея с оргией? Куча богатых женщин, в большинстве своём вполне привлекательных. Это ли не мечта большинства мужчин? Тем более, что он, можно сказать, в этой сфере специалист. А я в итоге выставлю себя круглой идиоткой, да так мне, в общем-то, и надо.

Но парень, немного помедлив, кивнул, тем самым отвечая на мой последний вопрос.

- Вот и хорошо. - Выглядеть душой я не люблю; в этом отношении я совершенно не оригинальна. - Правила те же, что вчера: не шуметь, меня не трогать. Да, и ещё одно: спать ложишься не на полу, а на кровати.

Раб нахмурился и непонимающе склонил голову набок. Вот нравится мне его немногословие. Пожалуй, сильно в тягость его присутствие не будет.

- В комнату может наведаться горничная и, увидев тебя на полу, сделать выводы. Неправильные или, наоборот, слишком правильные, - объяснила я.

Он бросил взгляд на застеленную половину кровати и снова кивнул.

Я облегчённо вздохнула: кажется, общение на этом можно считать законченным. И направилась к столику. Для этого пришлось пройти мимо раба. И кое-что мне не понравилось.

- Здесь применяли магию, - проговорила я, застыв на месте в попытке уловить источник.
- Ты что-нибудь об этом знаешь?

Спрашивать, не сам ли он ворожит, было бы глупо. Да, маг может попасть в рабство, как, в сущности, и любой человек. Если окажется на захваченном корабле, если будет взят в плен в бою и, наконец, если банальнейшим образом родится в семье невольников. Но в тот момент, когда на его руке выводят руну подчинения, магические способности блокируются намертво. Руна сама по себе имеет магическую природу. Насколько мне известно, даже рабам, отпущенным на свободу (и такое случается), никогда не удавалось вернуть себе эти способности. «Руна – спутник неволи, неподвластный грамотам. Там, где жива руна, магия мертва». Так сказано в древних книгах.

Что интересно, принцип работы подобных магических рун давно позабыт. Однако сам рисунок и методы его нанесения человечество сумело пронести сквозь века. И до сих пор пользуется, даже здесь, в Сильверии. Хотя как правило рабов привозят сюда с южного континента, и клеймо ставят там.

- Нет, - ответил парень, но в этот самый момент я ощутила, что магия, парадоксальным образом, исходит именно от него.

Я развернулась и внимательно осмотрела его сверху донизу.

- Сними рубашку.

Я не просила, я приказывала. С такими вещами не шутят. В герцогстве магию, конечно, используют, но крайне избирательно, в тех случаях, когда обычными средствами не справиться, иными словами – экономно. Свечи есть, значит, обходятся без волшебных светильников, пусть даже последние намного удобнее. Так кто использовал магию сейчас и с какой целью?

Не думаю, что раб был в восторге от моего приказа, но, в своей обычной манере, промолчал и принялся расстегивать рубашку. В целом к распоряжениям такого рода он, ясное дело, привык.

Я обошла его так, чтобы оказаться за спиной (именно с этой стороны магия ощущалась особенно сильно). Расстегнув последнюю пуговицу, он остановился, и я снова приказала:

- Снимай.

Он послушался, не оборачиваясь. Рубашка упала на ковёр.

Я нахмурилась. Вроде бы ничего не видно, но я же чувствую... Провела рукой вдоль позвоночника, не прикасаясь, снизу вверх. О, чёрт...

Лёгкая маскировочная магия спала, будто развязавшийся плащ. Да, такого обычными способами не спрячешь. Меня замутило.

На спине не было живого места. Шрамы, правда, успели отчасти зажить и уж точно не сочились кровью, но были среди них как совсем старые, так и нанесённые более-менее недавно. Я прикрыла глаза, сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Действительно, как хорошо, что есть магия. Несколько мелких штрихов – и нервные дамочки могут спокойно развлекаться, не падая в обморок от неприятного вида. Иная культура, чтоб её. Требуется бережного и уважительного отношения.

Похоже, вчера меня слишком сильно шокировал сам факт появления в спальне раба, поэтому на такую мелочь, как исходящий от него магический фон, я попросту не обратила внимания.

- Одевайся, - буркнула я, предварительно наложив иллюзию вроде предыдущей. Чистая кожа, будто с картинки.

- Точно? – спросил он, разворачиваясь ко мне лицом. – Или что-нибудь ещё показать?

- Знаешь, скажу честно: твоя спина меня впечатлила. Но вряд ли ты можешь показать мне ещё что-нибудь такое, чего я не видела, - заверила я, берясь за книгу.

Он ухмыльнулся краешками губ и потянулся за рубашкой. Какое-то время я наблюдала за ним поверх страниц.

- За что тебя так? – всё-таки не удержалась я от вопроса.
- Приказа ослушался, - откликнулся он будничным тоном.
- Что, вот так прямо взял и отказался исполнять? – изогнула брови я.
- Так прямо взял и отказался.
- Что же это был за приказ?

Он продолжил застёгивать рубашку, будто не услышал вопроса. Понятно: не ответит. Возможно, даже если его будут бить хлыстом.

- И часто ты так отказываешься?

Короткий взгляд прямо в глаза, опять вопреки всем существующим правилам.

- Иногда.

В целом понятно. Если бы часто, парня давно бы не было в живых. Ему хватило инстинкта самосохранения это понять. Но он оставил за собой право время от времени взбрыкнуть. Чтобы не полностью потерять себя в «культуре», частью которой оказался. Уж не знаю, при каких обстоятельствах, но в том, что он не родился рабом, можно не сомневаться. И вот за это право изредка «так прямо взять и отказаться» он был готов заплатить цену. Своего рода стратегия выживания, в данном случае – психологического.

Я погасила лампу, парившую над столиком, создала другую непосредственно над книгой и погрузилась в чтение.

Глава 4

Проснулась я снова в гордом одиночестве. Завтрак на этот раз подавали непосредственно в спальню: видимо, после вчерашнего празднования гости страдали от тяжёлого похмелья. Ближе к полудню горничная помогла мне собрать вещи. Всё, как и обычно, поместилось в один сундук, не считая незначительных мелочей в ридикюле и более значительных – под корсетом.

Я распахнула окно и с удовольствием вдохнула свежий воздух. Недавно прошёл дождь, и ветер донёс до ноздрей запах влажной почвы. По небу плыли низкие, объёмные облака. Наконец-то в путь! Дорогу, в отличие от познания новых культур, я любила.

В дверь вежливо постучались.

- Входите! – столь же вежливо ответила я.

Дверь сперва приоткрылась совсем чуть-чуть, затем широко распахнулась, и на пороге возникла герцогиня. За её спиной стояли горничная и лакей, готовые по первому слову помочь с вещами, но пока не рискующие мешать господам.

- Я была очень рада познакомиться с вами!

Герцогиня подошла ко мне, разводя руки. Мы обнялись, не крепко, конечно, а так, как здесь было положено, аккуратно коснувшись рук и плеч друг друга.

- Я тоже счастлива знакомству, ваша светлость!

- Ну что вы, к чему нам церемонии? Для вас я просто Оделия.

Я выразительно кивнула, давая понять, что ценю такую честь.

- Полагаю, мне пора.

Я продемонстрировала полностью собранный сундук, закрытый на засов, чтобы вещи случайно не выпали, если он перевернётся по дороге. Ридикюль уже висел у меня на руке.

- Время пролетело так быстро! – вздохнула герцогиня. – Надеюсь, вас ждёт лёгкая дорога. Может быть, я могу что-нибудь для вас сделать, прежде чем вы уедете? Между прочим, о вине я распорядилась! Оно уже у вас в карете. Но если я могу ещё чем-нибудь быть полезна...

Она не спешила отводить вопросительный взгляд, давая понять, что её слова – не только дань вежливости.

Я закусила губу. Одна мысль пришла мне в голову, но, признаться, я предпочитала поскорее её отогнать.

- Ну же, смелее! – воскликнула герцогиня. – Я же вижу, что-то есть!

Боже, зачем я сама создаю проблемы на свою голову? Не в первый раз задаюсь этим вопросом.

Но решение было принято, и я резко выдохнула, словно готовилась прыгнуть в холодную воду. Признаться, тёплой в наших озёрах и не бывало.

- Как вам известно, последние два вечера ко мне приводили одного вашего раба. Я бы хотела его купить.

- Всего-то? – с изумлением спросила Оделия. – Вы так колебались, что я подумала, речь пойдёт по меньшей мере о каком-нибудь полотне знаменитого художника из галереи. О чём разговор, моя дорогая, не надо покупать, давайте я вам его подарю в знак моего расположения.

- О нет, ваша светлость, принять такой подарок я не смогу. Но заплатить вполне способна.

- Ну хорошо, как знаете. О ком конкретно идёт речь?

- Признаться, я не знаю его имени. Как-то не до расспросов было.

- Ну конечно, как глупо с моей стороны! Дженни, позови сюда госпожу Макморси, – обратилась она к служанке и поспешила пояснить для меня: - Это наша кастелянша. Она отвечает и за рабов. У неё, конечно, есть помощники, ведь это такая головная боль! Вам очень повезло, что в вашем государстве вовсе нет этого института. Как по мне, сплошная трата ресурсов. Но у нас по-другому нельзя.

Я склонила голову, изображая понимание и сочувствие.

- А в Дилии не возникнет проблем, если вы привезёте с собой раба?

Герцогиня нахмурилась, впервые задумавшись над этим вопросом.

- Нет, что вы, мы имеем полное право привезти раба из-за границы, - заверила я. – Главное, чтобы бумаги были в порядке.

- Бумаги я подпишу. – Герцогиня легкомысленно махнула рукой. – О, Макморси, вы как раз кстати! – просияла она, когда на пороге появилась кастелянша. Запыхавшаяся горничная держалась чуть позади. – Скажите, кого из рабов вы приводили к нашей гостье?

Макморси посмотрела на меня, поджав губы, явно ожидая какой-нибудь пакости. Я ответила подчёркнуто вежливой полуулыбкой.

- Это Альдриг, госпожа.

Оделия нахмурила брови, видимо, пытаясь вспомнить, но потом нетерпеливо передёрнула плечами.

- Вот и хорошо. Наша гостья его покупает. Назовите ей цену и подготовьте правовую грамоту, я подпишу. А как бишь его... - она щёлкнула пальцами, - ...Альдрига пусть приведут прямо в карету.

Кастелянше такой поворот явно не понравился. Точнее сказать, её буквально перекосило, что, признаться, доставило мне некоторое удовольствие.

- Госпожа, боюсь, это не самая лучшая идея, - проговорила она, осторожно подбирая слова.

- В самом деле? Почему? – удивилась Оделия.

- Он непредсказуем. Сначала кажется, что его хорошо подготовили, но потом он внезапно выходит из-под контроля. Приходится начинать воспитание заново. Вроде бы справились, вроде бы переломили, всё идёт как надо – и в самый неподходящий момент опять срыв. При всём уважении к госпоже, - совершенно неуважительный взгляд в мою сторону, - она с таким не справится. Я предлагаю заменить его на другого раба, более послушного и комфортного.

- Что скажете, леди Одри? – осведомилась герцогиня.

- Скажу, что госпожа Макморси, при всём уважении, несёт ерунду. – Я нетерпеливо передёрнула плечом. – Я не собираюсь никого воспитывать. У меня нет на это ни времени, ни желания. Мне понравился раб, я готова заплатить за него деньги. Если в дальнейшем он меня разочарует, выгоню, или перепродам, да хоть волкам скормлю в ближайшем лесу.

- Замечательный подход! – одобрила Оделия. – Самый правильный из всех возможных. Вы слышали, Макморси? Пойдите и сделайте, как вам сказали. И не вздумайте заломить цену.

Я не отказала себе в удовольствии окинуть кастеляншу торжествующим взглядом. Не то чтобы я на самом деле испытывала торжество, скорее, мне по-прежнему казалось, что я полезла туда, куда лезть не следовало. Но я отлично знала, что именно такой взгляд разозлит эту женщину сильнее всего, а именно этого эффекта мне хотелось добиться. Не могу точно сформулировать, почему, но такие, как она вызывают во мне особое отвращение. А отказывать себе в маленьких радостях я не привыкла.

Вот так и случилось, что в дорогу я отправилась не одна. Мой чёрный фаэтон-паук, уже запряжённый парой лошадей, поджидал напротив высокого крыльца. Откидной верх в данный момент был поднят: хотя дождь и закончился, но в любой момент мог политься снова. Лакей закреплял сундук на задней части коляски, специально предусмотренной для таких целей. Раба снова привели в кандалах, что в данном случае представлялось разумным: иначе он мог бы сбежать. Его усадили на заднее сиденье, а цепь, немного подумав, прикрепили к той самой багажной полке. Я же поднялась по ступенькам (пассажирам приходилось сидеть достаточно высоко) и устроилась впереди.

- Может быть, всё-таки предоставить вам кучера? – спросила напоследок герцогиня.

- Благодарю вас. – Я отрицательно покачала головой. – Лошади очень чувствительны к магии, поэтому я предпочитаю управлять ими сама. Мне крайне редко по-настоящему требуются поводья.

- Ну что ж, в таком случае, счастливого пути!

Я отправила четвероногим лёгкий ментальный импульс, и они слаженно двинулись вперёд. Фэзтон неспешно покатился по усыпанной гравием дорожке.

Гравий вскоре закончился. Привратник закрыл за нами кованые ворота, и мы поехали по городской улице, мощёной, но так давно или так плохо, что экипаж постоянно подпрыгивал, и это делало поездку весьма дискомфортной. Однако центральные улицы сменились более простенькими, а затем город и вовсе остался позади. Теперь, без риска сбить кого-нибудь из прохожих или столкнуться со встречной каретой, мы поехали быстрее. Дорога была хорошей, и неприятности представляли лишь редкие лужи. Капельки грязи, разумеется, оседали на подоле, но, если предпочитаешь фэзтон закрытому экипажу, без этого не обойтись.

Аккуратно высаженные оливковые деревья вскоре сменились естественной хвойной рощей. До ближайшего поселения было не более десяти минут езды, однако когда от основной дороги отделилась другая, более узкая, я воспользовалась ею, чтобы немного углубиться в лес. Затем самую малость придержала поводья, одновременно давая лошадям мысленную команду остановиться. И наконец повернулась к рабу.

Всё это время мы ехали молча. Он и сейчас не проронил ни слова. Сидел, неудобно вывернув руки из-за цепи, и сверлил меня настороженным взглядом. Я выпустила поводья и, покопавшись в ридикюле, отыскала ключ. Наверное, следовало что-то сказать, но со словами у меня в таких вот нестандартных ситуациях не очень (то ли дело званые обеды и светские рауты, обычная работа, где реплики давным-давно расписаны и заучены). Поэтому я просто перебралась на заднее сиденье, разомкнула кандалы и отбросила в сторону ключ.

Раб по-прежнему молчал и, собственно, не спешил даже шевелиться, явно не зная, чего от меня ожидать. Поэтому я просто потянулась на переднее сиденье за ридиклюлем, извлекла из него грамоту, разорвала на четыре части и выбросила из кареты.

- Всё, здесь расходимся, - сказала я коротко и, наверное, грубовато.

Но не всё ли равно?

Он всё ещё не двигался, разве что взялся руками за запястья, и не отводил от меня испытывающего взгляда. Я возвратилась на переднее сиденье, вытащила из ридиклюля вторую бумагу, протянула ему и снова взялась за поводья.

- Ты мне не нужен, - сказала я, полуобернувшись. – Иди, куда хочешь. Там вольная, имя напишешь сам.

Раб – как его там зовут? не помню, а в документы уже не заглянуть – приподнялся и проследил взглядом за разлетающимися кусочками бумаги.

- Денег не жалко? – нарушил молчание он, когда я уже думала, что не услышу ни слова.

- Мои деньги, - передёрнула плечами я. – Хочу – вкладываю в прибыльное дело, хочу – бросаю на ветер.

- Я заметил.

Судя по выражению лица, имелось в виду что-то вроде «Вижу, что второе ты делать умеешь, насчёт первого сильно сомневаюсь». Кстати напрасно. Финансовая грамотность необходима, когда поднимаешься вверх практически с нуля. Не из нищеты, конечно, но после того, как твой дом сожгли вместе со всем, что было внутри, включая, среди прочего, и ценные бумаги. Впрочем, всё это раба никак не касалось.

- Значит, я могу отправляться, куда захочу?

- Сказала же.

Терпеть не могу повторять дважды. В третий раз – тем более.

- Тогда я предпочитаю ехать дальше. Пока.

Нечеловеческим усилием воли я удержала себя от стога. Вот так. Приехали. Оказывается, я обеспечила себя приключениями ещё сильнее, чем полагала изначально. Я наивно думала, что доеду до безлюдного места, избавлюсь от балласта и преспокойно отправлюсь дальше, путешествуя в одиночестве, как привыкла. А что теперь? Ладно, остаётся надеяться, что он просто хочет убраться подальше от столицы. В целом, это совершенно логично.

Я тронула поводья. Там, где позволила дорога, мы развернулись, выехали на основной тракт и продолжили путь вдоль роши, постепенно превратившейся в полноценный лес. Путешествовали, казалось бы, как и раньше, с той только разницей что теперь мой спутник не был скован, а стало быть, теоретически мог наброситься на меня сзади абсолютно в любой момент.

Такие обстоятельства, хочешь – не хочешь, держат в тонусе. Я призвала магию к кончикам пальцев, хотя не так уж и много могла бы противопоставить нападающему, и настроилась на его эмоциональный фон. В данный момент это было самым сильным моим преимуществом. Возможность вовремя ощутить всплеск агрессии. Успеть увернуться и выпустить направленный магический импульс, который не убьёт, но при некоторой толике везения выведет противника из строя.

Однако пока особых причин для волнения не было. Ментальный фон моего спутника был очень сложным, зыбким, состоящим из массы компонентов. Думаю, не только я, он и сам вряд ли толком осознавал, что именно сейчас чувствует. Но агрессивности не было, поэтому я относительно успокоилась – насколько это было вообще возможно в сложившихся ненормальных обстоятельствах – и продолжала путь, как планировала изначально. Сегодня до границы не доберусь, но до заката далеко, так что мы сможем преодолеть приличное расстояние, а к вечеру доберёмся до неплохой таверны. Ничего шикарного, но я вполне привыкла обходиться без роскоши: когда много едешь с места на место, нельзя быть излишне переборчивой. Зато кормят в том заведении весьма неплохо.

Глава 5

Постепенно сосны и пихты стали всё чаще появляться не только с правой, но и с левой стороны от дороги. Мелкий колючий кустарник, земля усыпана хвоей, из-под которой время-нами торчат шляпки маслят. Так и тянет остановиться и набрать немного, но, с другой стороны, что я стану потом с ними делать? Хозяину таверны преподнесу, в качестве платы за ночлег?

В общем, эдак незаметно, фут за футом, мы оказались посреди самого настоящего леса. И когда из-за деревьев нам навстречу вышла добрая дюжина вооружённых людей, это явилось для меня полнейшей неожиданностью.

Я же придерживалась одной из главных дорог, да и до поселений совсем недалеко. Что происходит в Сильверии с безопасностью, если в таких местах свободно разгуливают здоровые банды? Я бы, конечно, с удовольствием выразила своё возмущение сим фактом местным вла-стям, но что-то подсказывало: сейчас это не поможет. И магия моя перед таким числом про-тивников тоже бессильна – это если даже предположить, что среди них нет ни одного колдуна.

Как будто дела и так не обстояли хуже некуда, нападение пришло, откуда я уже не ожи-дала. Бросив короткое «приехали», мой спутник внезапно дёрнул меня за руки, заставляя выпустить поводья, и сомкнул на запястьях те самые кандалы, которые совсем недавно сковы-вали его. Потом, не церемонясь, схватил меня за шиворот и стащил с фаэтона на землю.

- Я свой! – крикнул он бандитам, демонстрируя клеймо на задранном рукаве.

Только теперь, из своего незавидного и неудобного для обзора положения, я сумела заме-тить такие же руны на предплечьях кое у кого из остановивших нас мужчин. У остальных вполне могли иметься такие же знаки, просто их скрывали рубашки и потёртые куртки.

- А это кто такая?

Разбойники приблизились, пристально разглядывая нас двоих. Все они были вооружены: у одного топор, у одного длинный охотничий нож, у двоих арбалеты, у большинства – обычные мечи, насколько я могла разглядеть, не заговорённые и без дорогих побрякушек. Усилием воли (с руками, скованными за спиной, такое проделать трудно) я сконцентрировала энергию на кончиках пальцев и послала ввысь световой импульс, своего рода магический знак бедствия. Селения должны быть недалеко, места не дикие (потому я и поехала так спокойно по этой дороге), а, значит, есть вероятность, что кто-нибудь заметит мой призыв.

Впрочем, разбойники, похоже, ничуть не обеспокоились. А недавний раб схватил меня за волосы, заставив задрать голову (я едва не взывала от боли), и, быстро нагнувшись, вытащил из-под штанины обычные металлические ножницы, какие часто используют при шитье. И при-ставил край к моему горлу.

- Это моя хозяйка, - ответил он, не скрывая удовлетворения в голосе. – Бывшая. Недавно мы с ней, как бы это сказать... поменялись рангами.

- Уважаю, - похвалил один из разбойников низким, чуть хрипловатым голосом. Лица его я видеть не могла: раб всё ещё держал меня за волосы, и перед глазами, помимо пляшущих кругов, были лишь верхушки деревьев, небо и облака. – Что теперь будешь делать?

- Да что тут спрашивать? – фыркнул кто-то. – А то и так непонятно?

- А мы поможем, - вызвался третий. – Чтобы до неё дошло поубедительнее.

Раб немного ослабил хватку, и мне стали хотя бы отчасти видны лица окружающих муж-чин. Чувства облегчения это не принесло. Прислушиваться к ментальному фону не требова-лось: и так очевидно, что ненависть здесь зашкаливает, и за неимением других представителей высшего класса вся она направлена на меня.

- Я так думаю, пустим её по кругу, - сказал коренастый, коротко стриженный мужчина со шрамом, который спускался по шее и исчезал под рубашкой. – Ты, разумеется, первый.

Обладатель того самого низкого хриплого голоса, он, похоже, был здесь главным. Самым жутким казалось то, что выглядел он совершенно спокойно. Ни похоти, ни нетерпения, ни даже агрессии. Как будто судья, оглашающий приговор.

- Мне это не нравится, - вмешался вдруг один из разбойников, молодой мужчина лет двадцати с небольшим. – Правда на нашей стороне. Мы восстанавливаем справедливость. А так получается, будто мы такие же, как они.

- Мал ты ещё других поучать, - не согласился его рыжеволосый сосед. – Они должны хорошенько узнать, каково это – зависеть от других. Ну, давай, парень! Приступай!

Это он уже обратился к моему рабу. Хотя в нынешней ситуации такое словосочетание звучало смешно. Но что поделать, имени я всё равно не запомнила. Впрочем, уже и не понадобится.

- Не пойдёт, - внезапно отрезал он. – Извините, парни. Всё понимаю, но она – моя. Я сам с ней разберусь. И делать это буду долго и со вкусом. Помощники мне не нужны.

- А не слишком ли ты наглый выискался? – вскинулся тот, что только что торопил его с началом. – В первый раз к нашей компании прибился – а уже делиться не хочешь.

- Счёты к ней у меня, а не у вас, - возразил раб, по-прежнему держа меня за волосы.

- Помолчи-ка, рыжий, - вмешался главарь. – Он в своём праве. Мы не знаем, что она ему сделала. Это – между ними двумя.

Внезапно из-за деревьев раздался топот копыт. Лошадь, и, кажется, не одна! Неужели мой сигнал всё-таки увидели? Воспользовавшись тем, что звуки привлекли всеобщее внимание, я слегка повернула голову, как раз вовремя, чтобы увидеть двух всадников в форме герцогской стражи. Оба извлекли из ножен мечи.

- Разойтись, мразь! – крикнул один из них на скаку.

Не раздумывая, молодой разбойник, тот самый, который заявлял, что не хочет быть «таким же, как они», метнул топор. Тот рассёк стражнику лицо, во все стороны брызнула кровь...

Я зажмурилась и на последующее малодушно не смотрела. Видимо, тот, в кого попал топор, погиб на месте, поскольку с его стороны я не услышала ни единого стога. А вот второй успел крикнуть несколько раз, прежде чем его голос окончательно стих. Ещё я слышала, как заржали и забили копытами лошади, но вскоре успокоились. Открыв глаза, я обнаружила, что двое разбойников взяли их под уздцы; один успокаивающе гладил животное по морде. Стражники лежали на земле без движения, футах в сорока друг от друга. Один из бандитов вытирал меч о траву.

Что ж, этим двоим не повезло. Слишком поздно о чём-то сожалеть. Во всяком случае, их смерть была быстрой, мне же такое явно не грозило. И действительно, обо мне почти сразу же вспомнили.

- Ладно, если не хочешь делиться девчонкой, дай хотя бы посмотреть, как будешь с ней развлекаться! – попросил один.

Остальные радостно заулюлюкали, и даже тот, «не такой», на сей раз не возражал.

Раб крепче перехватил мои волосы, заставив задрать голову посильнее, и медленно повёл лезвием ножниц от шеи вниз. Добравшись до ключицы, он сильнее надавил на кожу, и я почувствовала, как горячая кровь выступила из открывшейся ранки. Теперь главное – отстраниться. Я умею отстраняться от мерзости. Я слишком много её видела – и научилась. Это просто новый опыт – не более того.

- Нет. – Раб внезапно остановился. – Это будет не так. Мне не нужны свидетели. Я слишком много раз делал это при всех. Я благодарен вам за поддержку, каждому из вас. Но её я возьму где захочу, как захочу, и сколько захочу.

Несколько разочарованных воплей не оставляли сомнений: общество не согласно с таким решением. Но один парень, до сих пор молчавший, вдруг шагнул вперёд.

- Оставьте его в покое! – крикнул он, перекрывая общий неодобрительный гул. – Я тоже был невольником для утех. Просто дайте ему уйти так, как он захочет. Он заслужил.

Главарь пару секунд сомневался, потом обратился к рабу:

- Хоть чем-нибудь можешь с нами расплатиться, если мы отпускаем вас обоих вот так? Деньги вполне подойдут. Нам всё пригодится.

Я почувствовала, как раб, не церемонясь, стягивает с моих пальцев кольца. Но, видимо, он счёл этого недостаточным (и то верно, хоть они у меня и недешёвые, ни одно не сравнится размером с перстнями герцогини), развернул меня к себе за плечи и сорвал ожерелье.

- Пойдёт? – спросил он у главаря. – Мне побрякушки ни к чему.

- Вполне, - ответил тот, и дал знак одному из своих людей забрать драгоценности.

- А если я тоже о чём-то попрошу? – спросил раб.

Меня он уже не держал, но это мало что значило. Далеко не убегу, особенно со скованными за спиной руками. Зато если попытаюсь, точно легко не отделаюсь.

- Это довольно дерзко, - заметил главарь, - но я люблю дерзких. Так что же тебе нужно?

- Оружие. Лучше всего – меч.

- Тебе повезло: этого добра у нас хватает. Рыжий, у тебя ведь был запасной?

Тот кивнул, подошёл к рабу и передал ему клинок в потёртых ножнах.

- Спасибо, - сказал тот.

- Отыщи нас, когда закончишь со своей мстью, - предложил главарь, давая остальным знак уходить. – Нам такие нужны. Мы пока в этом лесу. Команда Меченого Гека. Захочешь – найдёшь.

Раб кивнул. Затем подошёл, поднял меня на руки и забросил, как куклу, на заднее сиденье фаэтона. Вытянуть перед собой руки я не могла, поэтому здорово ударилась правым боком о перекладину. И осталась лежать на животе.

Раб вскочил на переднее сиденье, положил рядом с собой меч, взялся за поводья, и экипаж тронулся. Я прикрыла глаза и постаралась выровнять дыхание. Было мутно. И мерзко. И пробивающий голову топор то и дело вставал перед мысленным взором, как ни пыталась я отогнать это зрелище.

Как там он сказал? «Где захочу, как захочу, и сколько захочу»? Что ж, молодец, Одри Стэнфорт, ничему-то тебя жизнь не научила. Вроде и знаешь, что люди – мрази, за редким исключением, наткнуться на которое можно разве что случайно. И что дало тебе это знание?

Но долго предаваться унылым мыслям не пришлось. Довольно скоро мы остановились. Перешагнув через переднее сиденье, раб подошёл, пошарил рукой по кожаной обивке дивана, нащупал ключ и разомкнул кандалы. После чего помог мне сесть, придерживая за локоть.

- И что теперь? – спросила я мрачно.

- Как там ты сказала... «Ты мне не нужен»? Так вот, ты мне тоже не нужна.

Вот это, надо признать, было серьёзное облегчение. Только не ожидала, что меня станут цитировать.

- Тебя что, обидели мои слова?

- Обидели? – изогнул бровь он. – Нет, это было самое лучшее, что я слышал за много месяцев.

Запястья здорово ныли, и я сцепила руки, стараясь коснуться одновременно обоих.

- То есть всё это был спектакль?

Я опустила взгляд на кандалы.

- Меня бы они отпустили. Тебя – нет, - лаконично ответил он.

Да уж, не поспоришь.

- А если бы они отказались уходить? – спросила я, пристально глядя ему в глаза.

Он даже не попытался увильнуть, ни от взгляда, ни от ответа.

- Я привык заниматься этим с кем скажут и в присутствии всех желающих. Ты – нет. Тебе было бы хуже. Но так всё равно лучше, чем они всем скопом.

Я молча кивнула. Весьма своеобразный способ сказать: «Да, я был готов тебя изнасиловать». Но он прав.

- Ну что же, услуга за услугу, - подытожила я. Хотелось побыстрее убраться из этого чёртового леса. – Мы квиты. Теперь ты точно можешь идти, куда пожелаешь.

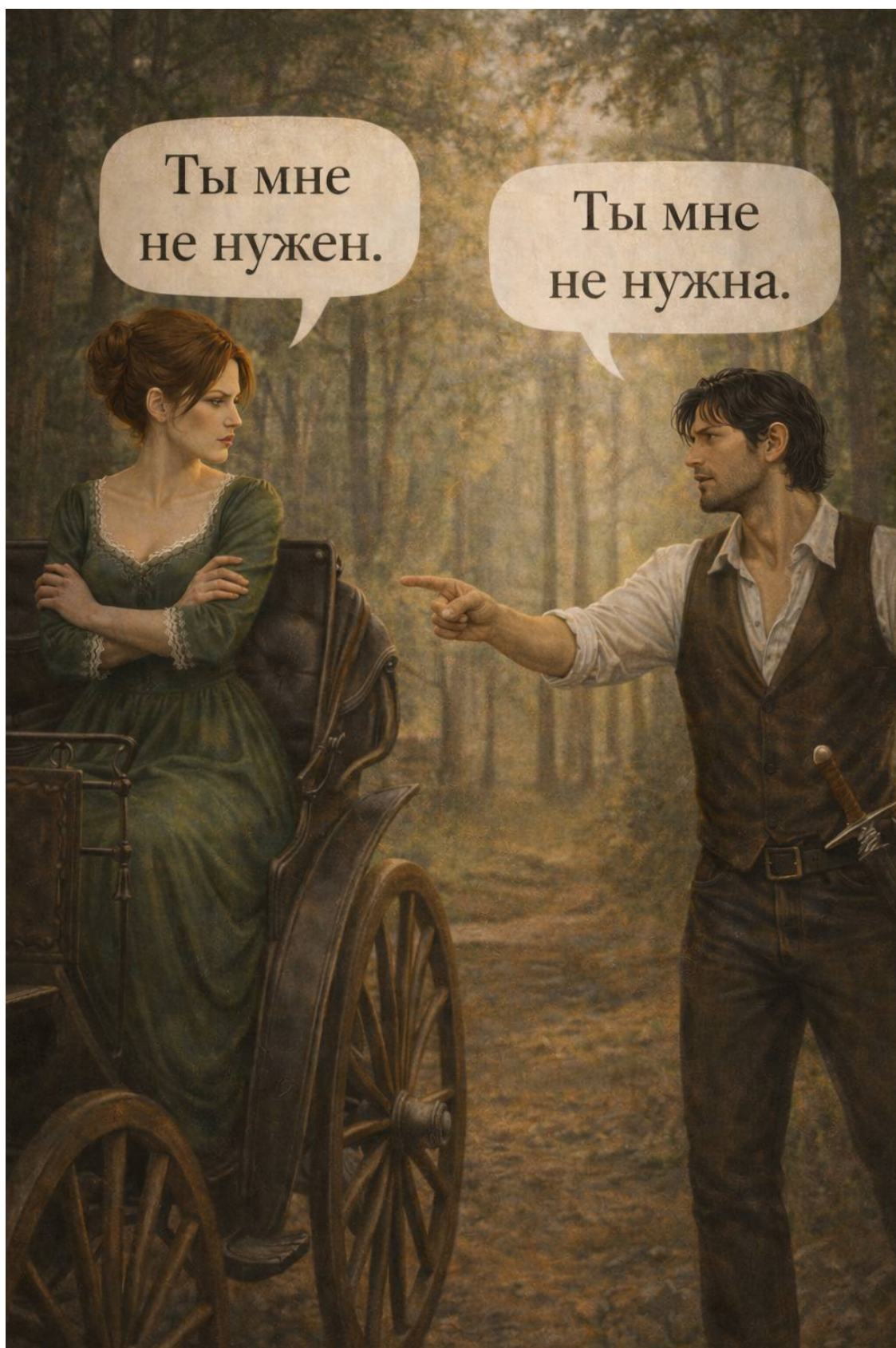
Он склонил голову набок. Несмотря на относительную немногословность, а может быть, как раз благодаря ей, у него была довольно богатая мимика. Сейчас он как бы говорил «Ты действительно сумасшедшая или только прикидываешься?».

- Ты что, так и не поняла, что здесь нельзя ездить в одиночку? – наконец спросил он вслух.

Совершенно неуважительное обращение, и, кстати сказать, никаких оснований переходить со мной на «ты» у него не было. Пусть он уже не раб, равными в общественной иерархии нас это не делает. Но беспокоит ли меня это? Ни в малейшей степени. Значит, пусть остаётся как есть.

- Ладно, уговорил. – Я спустилась на землю, чтобы попасть на переднее сиденье, не перелезая через скамейку. – До Дилии едем вместе. Дальше как решишь. Если захочешь, останешься в Сильверии. Если нет, я провезу тебя через границу.

Он молча кивнул. Немного поколебавшись, обошёл фаэтон и занял свободное место на переднем сиденье рядом со мной. Новоприобретённый меч пристроил на коленях.



Глава 6

Я едва тронула поводья, и лошади дружно двинулись вперёд.

- Как тебя зовут?

Если не задам этот вопрос сейчас, впоследствии он станет совсем уж неуместным. Не спрашивать же о таком через неделю знакомства.

- Альдриг.

Ах да, точно. Эта стерва Макморси говорила, но я не обратила внимания. Я открыла было рот, чтобы представиться в ответ, но он меня перебил:

- Я знаю. Леди Одри Стэнфорт.

Немного сарказма на слове «леди», но меня это не задело.

- Ножницы ещё при тебе?

Спутника я больше не боялась (для этого было как-то поздно), так что вопрос был продиктован исключительно любопытством. Да и потом, не о погоде же, право слово, разговаривать.

- Они мне больше не нужны.

В доказательство он опустил ладонь на рукоять меча.

- Я поняла бы нож, - заметила я задумчиво. – Кинжал. Но *ножницы*?

- Мне не предлагали выбора. Я не знал, чего от тебя ждать, и взял то, что подвернулось под руку.

- Предусмотрительно.

Оставшийся путь мы пределали в молчании. Лес поредел, мы проехали через деревню, затем миновали поля, а вскоре после заката впереди призывно замаячила таверна. Здесь всё-таки воспользовались магическим освещением, чтобы привлечь внимание потенциальных постояльцев.

Заведение было приличное, трёхэтажное, с хорошей кухней, производимым прямо на месте вином, большой конюшней и скромным садиком, где гости могли отдыхать в хорошую погоду. В таком месте незачем останавливаться на ночлег даже высшей аристократии. Мне, не носящей громкого титула, но занимающей неплохое положение в обществе, тем более.

В таверну я вошла первой. Альдриг следовал за мной, умышленно отставая на пару шагов и держа руку на эфесе меча. Тогда я впервые начала замечать (хотя ещё не смогла бы этого в полной мере сформулировать), что он потихоньку, самовольно, взял на себя роль моего телохранителя. Кому это было на том этапе нужнее, мне или ему, большой вопрос, на который я и сейчас не рискнула бы дать ответ.

Я сняла комнату до утра и заплатила достаточно щедро, чтобы моего человека тоже устроили на ночлег. Точно определять его статус, к счастью, не было необходимости. Где именно он провёл ночь, я не знаю, но к моменту моего выхода из таверны на следующий день он уже стоял возле запряжённого фаэтона.

Ехали по большей части молча: мой спутник был немногословен, меня же это более чем устраивало. Управление экипажем практически не требовало концентрации, поэтому я спокойно прокручивала в уме свои наблюдения и выводы, неофициальные договорённости с местной знатью, рекомендации, список которых планировала предоставить министру. В какой-то момент, послав лошадям дополнительный магический импульс, я даже достала и принялась просматривать свои записи.



Разговор, состоявший больше, чем из пары реплик, случился только один раз. Ветер гонял над дорогой песок, которого кругом было с избытком, и очередная песчинка попала мне в глаз.

- Век бы не видела этого герцогства! – бросила я в сердцах, ни к кому конкретно не обращаясь.

Я вполне могла бы сказать то же самое, путешествуя в полном одиночестве, просто для того чтобы выплеснуть эмоции.

- Мы все его нежно любим, - ответил мой спутник со свойственным ему сарказмом.

- Ноги моей больше здесь не будет, - буркнула я, не переставая тереть глаз.

Толку сей процесс, к сожалению, не давал.

- Зачем-то же ты сюда приехала.

- Исключительно по делам службы.

- И что же у тебя за служба?

Я нахмурилась. Впервые Альдрик интересовался родом моей деятельности, да что уж там, чем бы то ни было, связанным со мной лично. Простое любопытство или нечто, на что стоит обратить внимание? Впрочем, немного поразмыслив, я отвергла теорию заговора, согласно которой герцогиня специально подослала его ко мне в качестве шпиона. Готова допустить, что, когда Альдрига отправили в мою спальню, ему действительно велели держать ухо востро, а после рассказать хозяйке обо всём, что он увидит и услышит. Однако не более того. Иначе схема выглядела уж слишком сложной, в особенности учитывая, что не настолько я важная птица. К тому же о природе моих занятий герцогиня в любом случае отлично знала.

- Я помощница министра иностранных дел Дилии.

- Ого. Звучит внушительно.

- Ничего особенного, - возразила я. – У меня нет официальной должности. Я просто хожу на мероприятия, знакомлюсь с людьми, езжу по разным странам, развожу письма...ну и всё такое прочее.

- А потом советуешь министру, с кем дружить, а кого оставить с носом?

- Что-то в этом роде, - согласилась я, немного подумав.

- То есть ты серый кардинал?

- Вовсе нет. Я не честолюбива и не люблю политику. За это меня и ценят. В сочетании с такими качествами как знание этикета, голова на плечах и неплохие магические способности.

- Если ты не честолюбива и аполитична, что держит тебя на этой должности? Любовь к путешествиям?

- Ни в коей мере! – Я поморщилась от такого предположения. – Любовь к деньгам.

- Ты любишь деньги?

Судя по тону и приподнятой брови, он ни на грош не поверил.

- Ещё как, - подтвердила я.

- Настолько, что тратишь двадцать золотых на раба, который тебе даже не нужен?

Не двадцать, а тридцать. Похоже, ты просто не знаешь себе цену, парень. Но что-то мне подсказывает: такие сведения тебя не обрадуют. Так что озвучивать их я лучше не буду.

- Я не говорила, что коллекционирую деньги. Я люблю их именно за то, что имею возможность потратить столько, сколько захочу тогда, когда мне это взбредёт в голову, лишний раз не задумываясь. Моя служба это позволяет.

На этом разговор закончился: мы въехали в город. Не самый большой в Сильверии (тот разросся за последние пару веков вокруг дворца герцогини), но вполне приличный, с частично мощёными улицами, парой площадей, довольно крупным рынком и масляными фонарями. Здесь мы немного задержались. Я зашла в лавку аптекаря, прикупила пару лекарств, а заодно приобрела на рынке несколько побрякушек: милые мелочи для проживавших в моём доме слуг и дорогие, но безликие изделия для полезных знакомых. Опять же, глупо было не воспользоваться такой возможностью, чтобы перекусить нечто более приличное, чем запасённый в таверне хлеб и кусочки вяленого мяса.

До заката мы проехали ещё несколько часов, успев таким образом преодолеть приличное расстояние. Когда пришло время устраиваться на ночлег, обнаружившийся у дороги трактир оказался ощутимо попроще, чем вчерашний. Старенькое двухэтажное здание с шумной пивной на первом этаже, куда наверняка стекались по вечерам местные выпивохи. Покосившаяся постройка, отведённая под конюшню, и никаких тебе садилов. Конюх, правда, имелся, и в его задачи входило не только ухаживать за лошадьми, но и присматривать за экипажами, дабы их не украли. Не слишком полагаясь на такой уровень охраны, я наложила на фаэтон лёгкое охранное заклинание: в случае попытки его угнать в воздух стали бы вырываться яркие всполохи, вроде того, который я создала в своё время, взывая о помощи.

В остальном простота заведения меня не смущала. Как человек, путешествующий с относительно регулярностью, я видала немало трактиров и постоялых дворов и была не слишком переборчива. Это ощутимо сэкономило нервы.

Внутри в придачу оказалось довольно-таки чисто, а трактирщик был весьма приветлив. Мне выделили комнату, Альдрик вместе с местным мальчишкой (наверняка сыном или племянником хозяина) затащили мой сундук на второй этаж. Затем мы вдвоём уселись внизу за одним из квадратных деревянных столов. Альдрик сперва держался скованно, явно не уверенный в том, что ему следует располагаться вместе со мной, несмотря на то что в фаэтоне в аналогичной ситуации он чувствовал себя вполне комфортно. Пришлось указать ему на парутройку пьянчужек в зале и напомнить, что заведение здесь не самое фешенебельное, а потому разводить политесы неуместно.

В итоге сесть за стол он согласился, но в восторг явно не пришёл и продолжал держаться напряжённо. Нам подали сытное рагу из местных овощей. Лично я предпочла бы мясо, но привередничать не приходилось, и в целом вечер мог пройти вполне неплохо, если бы не мрачная компания, внезапно ворвавшаяся в трактир.

Их было четверо, и все неплохо вооружены. Один держал наготове заряженный арбалет и первым делом взял на прицел трактирщика. Тот испуганно застыл, прижавшись к стене. Я осторожно огляделась. Посетителей было не то чтобы мало, но ни одной компании, которая могла бы организовать достойное сопротивление, не видно. Несколько пьяниц, у которых так дрожали руки, что им никакое оружие бы не помогло, даже если бы оно имелось. Две женщины, одна помоложе, другая постарше, вероятно, дуэнья. Семья – муж, жена и двое детей, один из которых в данный момент сидел у отца на коленях. У окна – несколько подростков, видимо, решивших, что могут считать себя взрослыми, раз заявили в настоящий трактир выпить настоящего пива.

Один из грабителей рявкнул, чтобы все положили руки на стол и не шевелились. Затем потребовал, чтобы трактирщик выкладывал деньги. Другой, помахивая обнажённым мечом, направился к посетителям и велел достать кошельки и драгоценности. Как этот приказ сочетался с недавним требованием держать руки на столе, я не очень понимала, но предположила, что следует подчиниться тому, кто подошёл ближе. В голове пронеслась мысль, что с безопасностью в Сильверии дела обстоят отвратительно, и соваться сюда вторично точно не стоит. Но в данный момент деваться было некуда, и я, пусть и в паршивом настроении, потянулась к ридикулю.

Дальнейшее происходило очень быстро. Мой спутник взял свою кружку, выплеснул содержимое на пол (судя по получившейся луже, к пиву он не притрагивался вовсе) и, вскочив на ноги, запустил кружкой прямо в голову ближайшему грабителю. Звук получился довольно внушительным. Признаться, я думала, что от этого столкновения что-нибудь разобьётся: либо кружка, либо голова. Вопреки ожиданиям, сосуд оказался чрезвычайно крепким, а голова безмозглой, так что видимых разрушений не получилось, однако удара было достаточно, чтобы разбойник, покачнувшись, рухнул без сознания.

К этому моменту Альдриг уже выскочил из-за стола и устремился к остальным грабителям, держа наготове подаренный беглыми рабами меч. Арбалетчик развернулся, позабыв про трактирщика (последний поспешно спрятался за ближайшим столом), и выстрелил, но ожидавший этого Альдриг уклонился без особого труда. На то, чтобы зарядить следующий болт, потребуется около минуты, так что на время грабитель выпал из игры, и мой спутник метнулся к оставшимся двоим.

Сражаться ему явно доводилось не раз, движения были отточены, мечом он владел отлично. Будь это праздничная театральная постановка или, к примеру, турнир, я бы, пожалуй, залюбовалась. Однако сейчас обстоятельства не располагали к положительным эмоциям: двое вооружённых противников – это плохо, особенно учитывая, что в ближайшее время к ним собирался присоединиться третий, и вот тогда очередной болт имел хорошие шансы попасть в цель. Пока Альдриг отбил удар одного мечника, уклонился от клинка второго, отскочил, оказавшись вне досягаемости первого, обманул второго ложным выпадом и успел ранить его в руку, судя по всему, довольно глубоко.

Я прервала наблюдение за боем, чтобы сосредоточиться на арбалетчике. Дыхание выровнялось, стало более глубоким, чем обычно. Кончики пальцев засветились. Я резко распрямила ладони. Грабитель с воплем выронил раскалённый арбалет. Однако после этого не успокоился, а, напротив, завопил ещё громче, глядя на свои руки, которые теперь светились красным и выглядели, как один сплошной ожог. Иллюзия, конечно, но действенная. Зрительная и ментальная одновременно.

К этому моменту один из мечников уже лежал вниз лицом, бездыханный. Второй, с раненой левой рукой, продолжал отбиваться, но его действия именно что сводились к защите. Альдриг же наступал, яростно, дерзко, как будто точно знал, что меч противника не причинит ему вреда...или как будто ему было всё равно. Вскоре противник предсказуемо совершил ошибку и открылся для удара, чем Альдриг не преминул воспользоваться. Меч глубоко погрузился в плоть. Лишь когда мой спутник выдернул оружие, разбойник со стоном повалился на пол. Замертво или без сознания, я не знала, но, впрочем, мне это было неинтересно.

Арбалетчик продолжал с ужасом разглядывать свои руки, хотя боль от мнимых ожогов наверняка успела свестись к минимуму. Альдриг, не раздумывая, сбил его с ног, а дальше подоспел трактирщик с верёвкой. Мальчишку отправили за стражей.

Осознав, что опасность миновала, посетители повскакивали с мест и заговорили все одновременно. Большею частью – выражали восторги в адрес моего спутника.

- Да ты, парень, настоящий герой!

- Ух, как вы их!

- Как вы только справились со всеми в одиночку?

Трактирщик, закончивший возиться с разбойником, тряс Альдригу руку, рассыпаясь в благодарностях и называя не иначе как «храбрецом» и «спасителем».

Я встала из-за стола и двинулась к лестнице, неискренне улыбаясь тем, кто попытался и меня привлечь к восхвалению героя.

- Это ваш телохранитель? Он просто потрясающий!

- Вы его ещё с ножницами не видели, - буркнула я.

Глава 7

Поднявшись на пару ступенек, чтобы слегка выделяться на фоне толпы восхищённых, я бросила Альдригу:

- Нам надо поговорить!

И отправилась в свою комнату.

Дождаться не пришлось: он перехватил дверь ещё прежде, чем та успела захлопнуться за моей спиной.

Вид у него, конечно, был тот ещё. Перемазался в крови, вспотел, волосы липнут ко лбу, меч всё ещё держит в руке, и на лезвие страшно смотреть. И всё равно красив, тут ничего не скажешь. Небось все женщины, что остались внизу, в щенячьем восторге.

- Какого чёрта ты полез в драку? – сердито спросила я.

Альдриг вопросительно приподнял брови, чуть склонил голову набок. Мимика, уже ставшая мне привычной. Не понимает, что меня так разозлило.

- Вообще-то они пришли, чтобы грабить, - всё-таки снизошёл до ответа он.

- И что? Тебя бы, что ли, ограбили? Тебе какое дело?

Альдриг убрал меч в ножны, сложил руки на груди.

- Начнём с того, что они бы ограбили тебя.

- И что? – с напором повторила я. – Ну, ограбили бы. Тебе что, жалко моих денег? Какая тебе разница? Пережила бы. Меня, если на то пошло, вчера уже грабили – и ничего.

- То есть, по-твоему, надо было оставить всё как есть.

Я вздёрнула подбородок, вынужденная смотреть снизу вверх, поскольку он, как ни крути, был выше ростом.

- То есть, - яростно прошипела я, - это им там, внизу, ты можешь морочить голову на тему героизма, отваги, самоотверженности и всего такого прочего. Но я отлично понимаю, что ты делаешь.

- И что я делаю?

На этот раз его удивление выглядело совсем не так убедительно. Он знал, что я скажу, или во всяком случае догадывался. Что только лишний раз доказывало: я права.

- Ты не дорожишь своей жизнью. И специально идёшь на риск. Один против четверых? Какие у тебя были шансы? Ты вбил себе в голову, что достойно прожить жизнь у тебя не получилось, и теперь ищешь смерти, которая будет, в твоём представлении, достойной мужчины.

Его лицо стало похожим на каменную маску. Только глаза гневно сощурились.

- Даже если и так, я, кажется, имею право распоряжаться своей жизнью, как сочту нужным. Я свободный человек. Или мне только примерещились обрывки той грамоты?

- Вот это правда, - кивнула я. – Ты свободный человек. Но ты сам выбрал путешествовать в моём обществе. Так вот, до тех пор, пока ты со мной, я никаких порывов к самоубийству не потерплю. Когда разойдёмся – тогда пожалуйста, делай со своей жизнью всё, что захочешь. Это понятно?

Он не ответил. Только сверкнул на меня взглядом – гневно, почти что с ненавистью – и вышел из комнаты, хлопнув дверью. Возможно, он не собирался возвращаться. Возможно, так было лучше.

Доесть овощное рагу мне, ясное дело, не удалось, но возвращаться вниз желания не было. Да и аппетит в контексте всего случившегося как-то улетучился. Так что я открыла сундук и стала постепенно готовиться ко сну. Переоделась, на сей раз без помощи горничной, но к этому я была привычна, иначе путешествовала бы исключительно с прислугой. Дома у меня была горничная, милая девушка, племянница моей поварихи. Но я терпеть не могу чувствовать себя зависимой от чужой помощи, к тому же люблю одиночество. Благодаря сочетанию этих двух

качеств я способна путешествовать самостоятельно, разве что с сундуком одна не справлюсь, особенно если его надо тащить на второй этаж. Однако люди, готовые за пару монет помочь с решением этой проблемы, находятся всегда.

Оставшись в платье-неглиже, я распустила волосы и принялась аккуратно смывать макияж. Тёплую воду для умывания мне принесли в кувшине, а специальные средства я возила в бутылочках, похожих на аптекарские. Стук в дверь застал меня сидящей перед зеркалом. Ответить я не успела: Альдрик уже вошёл в комнату. Я бы даже сказала, не вошёл, а ворвался, сразу же захлопнул за собой дверь и прижался к ней спиной.

- Что случилось?

Он тяжело дышал – видимо, очень быстро взбежал вверх по лестнице, – а в глазах загнанным мотыльком металась паника.

- Мне нужно укрытие.

Я нахмурилась. Что-то не сходилось. Каким бы ни было моё отношение к его выходке, этот человек совсем недавно вышел один против четверых, не испытывая при этом и тени страха. Что могло напугать его до такой степени, чтобы он попытался спрятаться у меня в комнате?! Целое войско? Мертвецы, восставшие из могилы? Люди герцогини, высланные в погоню? Признаюсь, я почти успела уверовать в последний вариант, когда Альдрик, устремив на меня затравленный взгляд, произнёс:

- Они хотят со мной выпить.

Я приложила ладонь ко лбу.

- Кто?

- Эти... люди внизу. Трактирщик и другие.

- И что? – удивилась я. – Выпей. В конце концов, ты заслужил. – Понимаю, эти слова совершенно не вязались с моей недавней отповедью, ну да и чёрт с ними, я же ему не наставник и не воспитатель. – По-моему, позитивные эмоции тебе не мешают.

Он посмотрел на меня, как на умалишённую. Будто я только что посоветовала ему отбедать с пресловутыми зомби или чудовищем из легенд.

- Я не хочу ни с кем пить, - отрезал он, для пущей убедительности качая головой.

Говорил жёстко, но во взгляде метался всё тот же страх, неприкрытый, искренний, почти детский. Такой, что желание смеяться пропало, едва успев зародиться.

- Ты не хочешь именно пить или вообще с ними общаться? – осторожно уточнила я.

- Ни то, ни другое.

- Ладно. Если тебя это так раздражает, можешь остаться здесь.

Альдрик облегчённо выдохнул, кивнул и наконец отлепился от двери.

В конце концов, какая мне разница? Те, кто внизу, чёрт знает что про меня подумают? И что с того? Они меня не знают, я их тоже. Ещё не хватало, чтобы меня беспокоила собственная репутация в глазах выпивох из трактиров. А в остальном... В одной комнате мы уже ночевали, даже дважды. На мою, прости господи, женскую честь парень точно не претендует. Единственное, кровать здесь для двоих маловата, это вам не шикарные покои во дворце герцогини.

То ли Альдрик перехватил мой взгляд, то ли просто подумал о том же самом, но тут же сказал:

- Я лягу на полу.

Причём сказал тоном, не терпящим возражений.

- Ладно, - повторила я покладисто.

Подошла к кровати и перекинула ему запасное одеяло. Лишней подушки не имелось, но этот вопрос Альдрик решил, просто свернув свою куртку. По-моему, такие мелочи вообще были ему безразличны, он вполне был готов спать прямо на голом полу, лишь бы не спускаться вниз.

Краем глаза наблюдая за тем, как он расстилает одеяло и устраивается на нём спиной к стене, я пыталась уложить в голове два простых, казалось бы, факта: человек бесстрашно бросается в бой против четверых вооружённых грабителей, но безумно боится братания с дружелюбно настроенными обывателями.

Что ж, чужая душа – потёмки, а если я продолжу на него пялиться, он и меня скоро начнёт бояться, как огня. Так что на чём я там остановилась?

Я закончила снимать макияж. Нанесла на лицо мазь, изготовленную на основе розовой воды и нескольких масел и экстрактов растений. Затем отыскала баночку с другой мазью, той, что специально купила сегодня в лавке аптекаря. Пробежалась глазами по инструкции. Разбавить смесь со стихийной магической энергией, предпочтительно огненной, в пропорции... Ну, всё понятно. Я прикрыла глаза и чуть-чуть поколдовала над баночкой.

В воздухе завитал едва уловимый аромат ванили. Открыв глаза, я с удовлетворением отметила, что состав источает теперь едва заметное голубоватое свечение. Запустила пальцы в баночку и как следует смазала царапину, оставленную на коже ножницами. Отлично, к утру, скорее всего, не будет и следа.

Альдриг наблюдал за процессом, но ничего не сказал. И слава богу, ещё не хватало, чтобы он начал извиняться и доказывать, что «он на самом деле хороший». Не знаю, выставила бы я его из комнаты в этом случае или нет, но соблазн бесспорно был бы велик. Но кстати, раз уж я вспомнила об Альдриге...

Я встала из-за туалетного столика и взяла в руки баночку с мазью.

- Вставай и снимай рубашку.

Спутник поглядел на меня исподлобья, совершенно не обрадованный таким поворотом. Он уже устроился на одеяле, опираясь спиной о свёрнутую куртку, которую, в свою очередь, пристроил вплотную к стене, и вставать до завтра, видимо, не собирался. Но я всем своим видом давала понять, что не передумаю, и он, вздохнув, всё-таки послушался. Стянул через голову рубашку со шнуровкой и нехотя уронил её на одеяло. И остался стоять, будто окаменев, рядом с обустроенным на ночь местом.

- Давай сначала руки.

Казалось бы, самым естественным было вытянуть руки горизонтально, чтобы подставить мне запястья. Но Альдриг согнул их в локтях и поднял вверх, сжав кулаки так сильно, что отчётливо проступила каждая прожилка. Окунув в баночку указательный и средний палец, я набрала мазь и стала аккуратно втирать её в кожу там, где в неё, казалось, намертво впечатались следы от кандалов. Начала с правой руки, потом переключилась на левую, с предплечья которой на меня смотрело клеймо в форме руны. След, который нельзя свести. Он остаётся навсегда, внутри и снаружи.

- Теперь повернись спиной, - сказала я, закончив с запястьями.

Он повернулся. Я плавно провела ладонью сверху вниз, не прикасаясь, только снимая иллюзию. И невольно зажмурилась, настолько неприятной была открывшаяся взору картина. Хорошо, что я купила мазь, и что её много.

Но стоило мне дотронуться пальцами до его спины, Альдриг вдруг резко развернулся, перехватил мою руку и сжал её с такой силой, будто хотел раздавить. Баночка упала и покати-лась по полу; к счастью, содержимое было достаточно густым, чтобы не расплескаться. Я зашипела от боли. Спустя буквально пару секунд Альдриг ослабил хватку. Потом наконец выпустил запястье. Он тяжело дышал, но взгляд постепенно становился осмысленным.

Я отошла, наклонилась, чтобы поднять баночку. Посмотрела на руку. Пока ничего не заметно, но хороший синяк мне гарантирован. Подняла взгляд на Альдрига.

- Не нужно, - быстро сказал он.

Дыхание всё ещё не выровнялось, и он смотрел на меня с гремучей смесью настороженности и сожаления.

- Ты не сможешь сам себе обработать спину, - попробовала объяснить я.

- Неважно. Обойдусь.

- Ты её не видел, но наверняка чувствуешь, - настаивала я. – Ничего хорошего не будет, если оставить как есть.

Я попыталась просто обойти его и начать заново, но он повернулся так, чтоб стоять ко мне лицом, и выразительно покачал головой. Мне вдруг пришла в голову идея.

- Подожди.

Я отошла к туалетному столику, опустила на стул, тем самым давая понять, что подходить больше не собираюсь. Покопавшись в своих вещах, достала крупную неиспользованную кисточку для пудры, как следует обмакнула в мазь, призвала магическую энергию и осторожно разомкнула пальцы. Кисточка осталась висеть в воздухе. Я плавно переправила её ближе к Альдригу.

- Пойдёт?

Он медленно кивнул и повернулся ко мне спиной. Я аккуратно двигала раскрытыми ладонями, указывая кисточке направление. Когда потребовалось, всё так же, не прикасаясь, обмакнула её в баночку и продолжила работу.

- Болит? - спросила я на начальном этапе.

Самой мне лишь чуть-чуть жгло, когда я обрабатывала собственную царапину, но её никак нельзя было сравнивать с тем месивом, в которое превратилась спина раба.

- Я не боюсь боли, - откликнулся он.

Мы продолжили в молчании. Я охотно верила. Человек, который не боится ни боли, ни смерти в бою, но не переносит прикосновений и дружеских посиделок. Казалось бы, парадокс. Но наша история буквально испещрена такими вот парадоксами.

- Всё, подожди минут пять, и можешь одеваться, - сказала я, закончив. – Возвращать иллюзию не буду: она слегка замедляет процесс исцеления, а под одеждой шрамов всё равно не видно. Но если понадобится снова её наложить, скажи, для меня это не проблема.

Ночь прошла спокойно. Правда, приснилась мне ближе к рассвету чья-то спина, а затем – рассекающий лицо топор. Я проснулась в холодном поту, но, к счастью, без воплей, да и вообще пришла в себя довольно быстро. Не зря всё-таки принимаю нужные травы. Попила воды, повернулась на другой бок и снова заснула.



Глава 8

Позавтракав, мы покинули трактир, где к нам отнеслись в высшей степени гостеприимно, надавали кучу еды в дорогу, платы не взяли, да ещё и долго уговаривали меня уступить им моего телохранителя. Как будто от меня в этом отношении хоть что-то зависело. Как по мне, так ради бога: за раба его здесь не держат, уважают как героя, условия будут хорошие, а герцогиня далеко. Но Альдрига дружелюбие и уговоры трактирщика скорее пугали, нежели радовали, так что я сразу поняла, что шансов нет и, так и быть, взяла ответственность на себя: категорично заявила, что мне такой великолепный охранник самой до зарезу нужен.

Рощи сменились лугами, луга – парой деревенок со страшно раздражающими ребятишками, которые так и норовили увязаться за фаэтоном. Потом начались поля, расчерченные неровными полосками узких тропинок. Бабочка-крапивница, порхавшая над колосьями, подлетела к фаэтон, уселась на щиток, предохранявший пассажиров от грязи, пару раз взмахнула крылышками и перелетела ко мне на плечо. Я подставила руку, она без колебаний ступила на ладонь крохотными лапками – и осыпалась горсткой пепла. Но, вопреки законам природы, пепел не разлетелся на встречном ветру. Вместо этого крохотные кусочки сложились в обугленный лист, а тот в свою очередь быстро побелел, превратившись в исписанную ровным аккуратным почерком бумагу. Из-под листа мне на колени выпал маленький конверт.

Я остановила фаэтон и, удостоверившись, что дорога достаточно широкая, и, следовательно, нас при необходимости не только обойдёт любой пеший, но и объедет экипаж, сосредоточилась на чтении. Беззвучно проговорила несколько фраз, запоминая. Затем провела над листом рукой. Он снова обуглился на глазах и обратился в пепел, на сей раз легко подхваченный ветром. Маленький конверт я спрятала под корсет и снова взялась за поводья.

Полученное задание носило щекотливый характер и требовало кое-какой подготовки. Я с сомнением покосилась на своего спутника. Подойдёт ли он для этой роли? Впрочем, а какие у меня варианты?

- Нужна помощь, - озвучила я свои мысли. – Сегодня вечером мне понадобится мужчина.
- Зачем?

Альдриг задал вопрос довольно небрежным тоном, и я даже не подумала прислушиваться к его эмоциям. Наверное, зря.

- В письме меня просят выполнить одно поручение. – На этом месте спутник понимающе покосился на мой бюст, где в данный момент был надёжно припрятан маленький конверт. – Скоро мы приедем в Лигард, приграничный город, из которого я сразу собиралась переправиться в Дилию. Но, видимо, придётся задержаться ещё на одну ночь. Граф и графиня Истальф устраивают вечером большой приём. Меня внесли в список приглашённых. Я должна отправиться туда и передать графине конверт, который ты уже видел. Так, чтобы об этом больше никто не заподозрил.

- И при чём здесь я?
- На такие приёмы не принято ходить в одиночку. Мне понадобится спутник.
- И с кем ты ходишь обычно?
- Да мало ли. – Я пренебрежительно передёрнула плечом. – Всегда кто-нибудь находится.

Но на сей раз всё слишком неожиданно: я не успела подготовиться. Не на рынке же мне партнёра подыскивать. Так как, пойдёшь?

- Да, - ответил он тоном «А куда же я денусь?». – Что я должен делать?

- Ничего. Считай, что ты просто мой аксессуар, как правильно подобранная брошь или веер. Разговаривай поменьше, причем, к тебе с разговорами лезть и не будут: когда люди лично не представлены, это не принято. Влюблённость не изображай. Не поверят: ты помоложе и красивее. Пусть лучше думают, что ты выёшься возле меня из-за денег. Всё ясно?

- Конечно. – Он кивнул с отстранённым видом, но затем саркастично добавил: – Это, кажется, считается повышением?

Признаться, я не поняла, что он имеет в виду, да особенно и не пыталась: уже прокручивала в голове сценарии возможного развития событий на приёме. В моём представлении, в нашем с Альдригом сотрудничестве всё было кристально ясно: мы просто играем маленькие роли в большом политическом спектакле, к которому я имела лишь весьма косвенное отношение. С позиции Альдрига всё выглядело несколько иначе.

- Нам надо будет как следует тебя одеть, - заметила я, когда мы въехали в Лигард через южные ворота. – Разыщем портняжную мастерскую. Времени мало, но они как правило продают и готовую одежду. Подгонят что-нибудь на месте, если понадобится.

Он ничего не ответил, лишь сосредоточенно глядел в одну точку. Посторонние женщины неоднократно подбирали ему одежду, но я об этом как-то не подумала.

Добравшись до центральной части города и пару раз обратившись с вопросом к прохожим, производившим впечатление местных, мы выяснили, где найти модное ателье высокого класса. По внутреннему убранству и выставленным на обзор клиентов костюмам я сразу поняла: здесь незачем покупать наряд даже самым знатным господам.

- Чем могу быть полезна? – осведомилась невысокая, но бойкая женщина лет сорока пяти с портновским метром, висящим на шее.

- Нужно одеть вот его, - указала я на Альдрига. – Срочно. К сегодняшнему вечеру.

- О, вы отправляетесь на приём в замок! – просияла портниха.

- Вы весьма проницательны.

- Да какое там! Просто мы уже сшили несколько платьев как раз для этого приёма. Я так полагаю, готовая одежда подойдёт?

- Разумеется.

- А вам, госпожа, платье не нужно? У нас есть несколько прекрасных вариантов.

- Нет, благодарю. У меня всё есть.

- Понимаю.

Портниха окинула Альдрига профессиональным взглядом, прикидывая размеры, кликнула помощницу, дала какие-то распоряжения, и та отправилась за одеждой. Хозяйка лавки предложила нам подождать в уютных креслах с мягкой обивкой. Она и дальше то и дело посматривала в нашу сторону, и я могла без всякой ментальной магии прочесть её мысли: зачем госпоже тащить на бал простого охранника? Пусть даже он чрезвычайно хорош собой, но должны же, право слово, соблюдаться хоть какие-то приличия. Мне эти её мысли были совершенно безразличны. Равно как и приличия.

Затем принесли одежду, и Альдрига вежливо попросили проследовать за ширму для примерки. Когда он вышел, я внимательно оглядела результат. Кремовые брюки и жилет того же цвета, льняная белая рубашка с высоким воротником, тёмно-синий фрак. Образ завершал белый шейный платок.

- Повернись, - попросила я.

Он послушался. Каменное лицо ничего не выражало, от богатой обычно мимики не осталось и следа.

- Платок, пожалуй, снимите, - обратилась я к портнихе, - это чересчур. И сюртук слишком свободно сидит по спине – можете забрать в талии?

- Разумеется, госпожа, - почтительно ответила она. – Вы всё очень тонко подметили.

Из лавки я вышла, полностью довольная. Покупки нам донесли до фаэтона, и, загрузившись, мы отправились в отель. Можно было обойтись и постоялым двором, что вышло бы подешевле, но я рассудила, что на приём к первым людям города следует отправляться из более приличного места.

В комнате можно было передохнуть, умыться и подготовиться к выезду. В моём сундуке имелось подходящее платье: тёмно-зелёное, неплохо перекликающееся с цветом брюк и жилета партнёра, в должной степени сдержанное и в должной – чувственное. Я подобрала к нему украшения и веер, нанесла макияж. Конверт хранился там же, где и прежде.

Как я ни любила свой фаэтон, для поездки в такое место пришлось нанять карету с кучером. Ровно в восемь часов вечера мы въехали по подъёмному мосту на территорию замка.

Внешность, как известно, обманчива. Если снаружи казалось, что нас доставили в допотопную, тяжеловесную и не слишком гостеприимную крепость, внутреннее убранство буквально кричало о современности, лёгкости, тепле и самой последней моде. Звучали вальсы, кадрили, современные переложения популярных оперных арий. Дамы в платьях ярких, насыщенных цветов – красный, зелёный, синий, фиолетовый, пастельные тона в этом сезоне были неактуальны. Мужчины в одежде более сдержанных оттенков, зато с привлекающими внимание элементами, такими как жабо, высокие воротники, изящно завязанные шейные платки. На некоторых – новинка из области модного костюма, так называемые фраки. Как на мой вкус, немного нелепо, особенно в сравнении с классическим сюртуком, но, впрочем, наверное, эти мои слова напоминают старческое брюзжание о том, что «в наше время всё было лучше».

Нас представили фальшивыми именами, внесёнными в список гостей, но, впрочем, особого значения это не имело: никто в любом случае не обратил внимания на наше прибытие, уж слишком много было народу. Альдригу пришлось взять меня под руку, поскольку так предписывал этикет. Тут я впервые задумалась о том, что, возможно, притащить его сюда было не лучшей идеей.

Дальше я лишь укреплялась в этом мнении. Помимо сложного отношения к прикосновениям, он явно плохо воспринял окружающую обстановку в целом. Его лицо застыло, будто заморозилось, как уже бывало прежде, лишь тревожный взгляд перескакивал с объекта на объект, не находя поблизости ничего успокаивающего. Я запоздало сообразила, что мероприятия такого рода могли нести крайне неприятные для него ассоциации.

В довершение всего перечисленного выше, в залах нередко можно было заметить рабов, легко отличимых благодаря рунам. Некоторые разносили еду и напитки. У некоторых были иные обязанности. Двое гостей мужского пола прошеествовали в сопровождении рабыни в отдельную комнату.

Обычно я не чувствую ментальное состояние окружающих, если не настраиваюсь на него специально. Но в этот момент отголосок всплеска ненависти достиг моего сознания, пусть даже расплывчато и искажённо, как звук сквозь заложенные уши.

- Держи себя в руках! - потребовала я, прикрывшись веером.

Ещё не хватало, чтобы он выкинул сейчас какой-нибудь фортель в духе борьбы за социальное равенство в отдельно взятом замке. Волнуясь за успех предприятия, я прислушалась к эмоциональному состоянию спутника. Вряд ли он собирался совершать революцию. Зато стихийная волна ненависти, прежде не направленная ни на кого конкретно, теперь сосредоточилась на мне.

Параллельно с этой проблемой приходилось решать другую: приблизиться к графине. Благодаря нескольким удачным замечаниям касательно дилийской моды мне удалось влиться в компанию её приятелей, но и только. Хозяйка приёма переходила из залы в залу, приветствовала гостей, беседовала с друзьями, проверяла, всем ли хватает закусок и напитков, изредка отдавала распоряжения слугам... И всё это время супруг следовал за ней, как... банный лист. Неважно, с дамами она беседовала или с мужчинами, улыбалась или грустила, развлекалась или занималась делами, он всё время вертелся под боком. Даже когда я рискнула своим добрым именем (благо что фальшивым), полушёпотом рассказав графине некий эпизод весьма интимного свойства, якобы имевший место при дилийском дворе, граф даже не подумал оставить нас одних. Моя миссия определённо оказалась под угрозой.

Внезапно меня осенило. Похоже, был шанс убить одним выстрелом двух зайцев. Я отошла в сторонку, позвав Альдрига за собой.

- Мне понадобится твоя помощь.

- В чём? – спросил он всё с тем же каменным выражением лица.

- Тебе понравится.

К колонне, возле которой мы стояли, приблизилась парочка, видимо, тоже жаждавшая уединения, но по другой причине. Я поманила Альдрига в коридор.

- Ты должен меня ударить, – продолжила я, осмотревшись и удостоверившись, что нас никто не услышит.

- Что?!

Каменное выражение всё-таки слетело с его лица. Брови удивлённо взметнулись вверх.

- Этот преданный супруг следует за графиней след в след, – принялась объяснять я полупрошептом. – То ли он в самом деле так влюблён, то ли подозревает, что в замок может пробраться стерва вроде меня и спутать ему все карты. Это не так уж важно, главное: мне необходимо от него избавиться, чтобы поговорить с графиней тет-а-тет.

Он всё ещё не понимал.

- Ты меня ударишь, по лицу, при всех. Тебя, конечно, выгонят из замка, но больше ничего они сделать не могут. Мы подберём тебя на обратном пути около статуи молочника. Помнишь, где это?

Альдриг кивнул.

- Вот и хорошо. Дальше я всё сделаю сама. Но учти: в этом спектакле всё должно быть натурально, а репетиций не предусмотрено. Бить надо как следует, чтобы не сошло за пощёчину. Пощёчина – это не событие, а так, повод немного посплетничать. Даже правила этикета допускают, чтобы мужчина дал женщине пощёчину – в определённых обстоятельствах. Мне это не подходит. Справишься? – Его взгляд не транслировал должной уверенности, и я усилила напор. – Ты же меня ненавидишь, я знаю! Просто дай волю этому чувству. Или убирайся отсюда, если от тебя никакого толку.

Я развернулась и решительно зашагала назад, в полный гостей зал. Но чрезвычайно внимательно прислушивалась к эмоциональному фону. И быстро поняла: мои последние слова возымели эффект. В борьбе между яростью и удивлением победу определённо одержала ярость.

А где у нас нынче хозяева? Чудесно, они тоже здесь. Впрочем, столь громкое событие так или иначе привлекло бы их внимание: в крайнем случае слуги бы доложили.

Я остановилась, обмахнулась веером и раздумывала, взять ли бокал с подноса лакея, степенно обходившего гостей. И тут меня, можно сказать, настигла вселенская справедливость, облекшаяся в форму мужского кулака.

Честно говоря, в какой-то момент я не на шутку испугалась: показалось, что Альдриг выбил мне глаз. Потребовалось немного времени, чтобы разлепить ресницы и различить хоть что-нибудь сквозь пелену хлынувших от боли слёз. Я сидела на полу, рядом с креслом, за которое безуспешно попыталась ухватиться. Скула наливалась болью, наверняка она скоро приобретёт чрезвычайно красивый, насыщенный цвет, как раз в духе моды этого сезона.

Музыка прервалась, дамы охали и ахали. Приятнее любых мелодий прозвучал возмущённый голос графини:

- Немедленно покиньте этот дом! И никогда сюда не возвращайтесь. Кто-нибудь, проводите его!

Я приложила усилие, чтобы сдержать улыбку и сохранить страдальческое выражение лица. Сосредоточилась на боли и на том детском чувстве обиды, которое возникает, даже когда мы случайно ударяемся о предмет мебели. Слёзы полились ручьём. Всё-таки самое трудное – это заплакать, а дальше дело наживное. Всё равно что раздуть уже теплящееся пламя.

- Позвольте помочь вам подняться. Леди...

- Агата. Агата Уинстон, - ответила я, всхлипнув.

И протянула галантному мужчине руку.

- Госпожа Уинстон, мне так жаль! – Графиня как хозяйка приёма, конечно же, устремилась ко мне. – Пойдёмте, вам надо успокоиться. Бетси, принеси гостье воды!

Вытирая на ходу глаза, я позволила леди Истальф увести меня в отдельную комнату. Дамы и кавалеры провожали нас жадными взглядами, гадая, что именно могло послужить причиной столь неприемлемого поступка моего спутника. Служанка вбежала следом за нами с подносом, на котором стоял хрустальный стакан.

- Присядьте, моя дорогая. – Графиня подвела меня к ближайшему креслу. – Выпейте! Что же случилось? Как он мог так поступить?

Я стрельнула глазами в сторону двери. Как и предполагалось, в такой щекотливой ситуации граф не счёл приличным последовать за нами.

- Мы могли бы остаться одни? – попросила я срывающимся голосом. – Я...мне неловко при посторонних.

- Конечно, конечно! – воскликнула хозяйка. – Бетси, пойдй прочь!

Служанка послушно выскользнула за дверь.

Мою грудь по-прежнему сотрясали рыдания: так просто их не остановишь; кажется, это называется «инерция». Поставив стакан на изящный столик, я протянула графине конверт. Затем поднесла к глазам платок, который мне любезно вручила одна из гостей.

- Боже... Это от него? – спросила леди Истальф, не на шутку разволновавшись.

- Вероятно. Честно говоря, я не знаю. Мне просто поручено передать вам это письмо.

Графиня кивнула, вскрывая конверт настолько аккуратно, насколько это возможно без ножа для бумаг. Она быстро прочитала послание, перескакивая взглядом со строки на строку. Затем стала перечитывать, на сей раз очень внимательно.

Я старалась ей не мешать. Госпожа Истальф, первая леди серебрянского приграничья, была хорошим другом Дилии. Разумеется, для такой преданности требовалась весомая причина. В данном конкретном случае любовь к государству проистекала из любви к некоему его гражданину.

- Так всё это было искусным представлением? – спросила она, оторвавшись наконец от письма.

Пройдя к ближайшему подсвечнику, графиня привычным движением поднесла листок к огню.

- Нужно было остаться с вами наедине, а мне никак это не удавалось, - улыбнулась я, рассеянно следя за тем, как пламя пожирает бумагу.

- Мой муж, - грустно кивнула графиня. – Если бы вы только знали, как он мне надоел...

Я понимающе вздохнула. Бывает, мужчины надоедают. Одна из причин, по которым я так и не вышла замуж.

- Но ваш синяк смотрится так натурально, - проговорила хозяйка, приглядываясь. – Боже, неужели он настоящий?

- У министра вен Сольдо всё настоящее, - заверила я с улыбкой. – Что, хороша? Вы позволите?

Не дожидаясь ответа, я подошла к зеркалу и подняла канделябр повыше, чтобы лучше рассмотреть лицо. Да, скула окрасилась красивым сочным фиолетовым, местами переходящим в красноту.

- Мне, право, перед вами неловко. И как ваш спутник решился? Честное слово, не уверена, что кто-нибудь из моих людей справился бы с таким заданием.

- У нас свои методы работы. У вас не найдётся ненужная вуаль? Не хотелось бы, чтобы на меня пялились все без исключения, а с эдакой красотой, боюсь, так и случится.

- Конечно, мы всё устроим. Вы уже уходите?

- Да, полагаю, пора. Надеюсь, вы меня простите. Думаю, обиженная дама на моём месте поступила бы именно так.

- Я велю, чтобы вам подали карету. Ох, и снова мне неловко! – всплеснула руками графиня. – Я же выставила вашего человека!

- Ничего страшного, он будет ждать меня в условленном месте.

Вот уж в чём я отнюдь не была уверена. С высокой долей вероятности Альдриг мог решить уйти в закат, чтобы глаза его больше меня не видели. Вполне подходящий момент и, возможно, весьма разумное решение. Однако делиться этими мыслями с графиней я не собиралась.

- Браво. Вы всё предусмотрели.

- Ну разумеется.

- Но, надеюсь, вы подождёте, пока я напишу ответ? Это не займёт много времени. А также записку для нашего дорогого министра.

- В моём корсете найдётся место для пары-тройки писем, - заверила я. – Скажите вашему супругу, что гостя пребывает в чрезвычайно расстроенных чувствах, и вам придётся провести в её обществе... - я пожала плечами, - ...столько, сколько потребуется.

- Отличная идея. И заодно велю, чтобы нам с вами принесли по бокалу хорошего вина.

Определённо, мы с графиней разошлись, довольные друг другом.

Глава 9

Как оказалось, снаружи шёл сильный дождь, так что закрытый экипаж оказался очень кстати. Я велела кучеру замедлиться рядом со статуей молочника (какого-то героя местных преданий; мне что-то рассказывали на этот счёт, но, признаться, слушала я невнимательно). Сперва я никого не увидела, хотя скульптуру неплохо освещал фонарь, но вскоре Альдрик вышел из тени. Он поджидал под козырьком какой-то лавки, но успел немного промокнуть, прежде чем вскочил в карету. Когда мы тронулись, он тряхнул головой, и я ощутила несколько капель, упавших с его волос.

Я сидела по ходу кареты, Альдрик – напротив. Я пыталась взглянуть в его лицо, но было слишком темно. Огни уличных фонарей, пронесившиеся мимо, давали свет лишь на мгновение, сменяясь густой темнотой. Создавать магический светильник не хотелось.

- Признаться, я думала, ты не придёшь, – заметила я, сама не знаю, зачем.

Быть может, пыталась заполнить звуками мглистую пустоту, в которой нет ни взглядов, ни мимики, ни жестов.

- Я тоже так думал, – кивнул он.

- Что же заставило тебя изменить мнение?

Он долго молчал и, я полагала, уже не ответит, в привычной своей манере.

- Любопытство, возможно, – сказал он наконец.

Любопытство – и однако ты даже не спрашиваешь, как всё прошло?..

То, что Альдрик проводил меня до комнаты, не удивляло. То, что он вошёл следом за мной, тоже: ему ведь нужно было забрать свою одежду. Но стоило мне создать магический светильник, как спутник подошёл совсем близко, внимательно разглядывая моё лицо.

- Дьявол! – выругался он сквозь зубы.

Настал мой черёд непонимающе приподнять бровь.

- Ах, синяк! – сообразила я, и скула тут же отозвалась болью, будто обиженная: «Как ты могла обо мне забыть?». – Что, красиво выглядит?

- Это я виноват, – проговорил он, как мне показалось, с искренним раскаянием.

Но не малодушничал и взгляда от «дела рук своих» не отводил.

- Ничего подобного. Ты делал то, что я тебе поручила, помнишь?

- Ты не понимаешь. – Он легонько качнул головой, как бы отмахнувшись от моего аргумента. – Я ударил, потому что хотел ударить. Очень хотел.

- Ну, и это не удивительно. Думаю, будь я на твоём месте, я бы тоже захотела ударить... да всех подряд, – заметила я совершенно серьёзно. – И хорошо ещё, если не убить. А в первую очередь – невыносимую стерву, которая вечно говорит мне, что делать.

- То есть ты даёшь мне индульгенцию на небольшую резню? – хмыкнул он.

- Я не священник, но если этот нюанс тебя не смущает, то ради бога.

- Ясно.

Он развернулся, будто разом утратив ко мне интерес, и направился к сундуку.

Я повесила в воздухе ещё пару светильников, чтобы лучше видеть, что происходит.

- Где эта твоя магическая мазь? – спросил Альдрик, откинув крышку.

И, не дожидаясь ответа, приступил к поискам.

- Эй, тебя не смущает, что это мои вещи? – окликнула я, немного позабавленная. – Женские, между прочим. А если ты наткнёшься на бельё?

- И что? – отозвался он, нисколько не смутившись и не прерывая своего занятия. – Думаешь, я могу увидеть что-то для себя новое?

Это было резонно, и я не стала его распекать, тем более что он уже нашёл баночку и разом потерял к моим вещам интерес. Поставил мазь на туалетный столик, снял крышку и подошёл ко мне. Светильник тоже подплыл поближе: стандартное их свойство.

Альдриг взял меня за подбородок, чуть-чуть развернул к свету и стал аккуратно, будто я была фарфоровой, наносить мазь. Синяк был большой и, похоже, действительно доходил почти до самого глаза. В какой-то момент Альдригу пришлось зачерпнуть мазь повторно. Когда она во второй раз закончилась у него на пальцах, подушечки и ногти продолжили источать лёгкое голубое свечение.

А потом он меня поцеловал.

Я была совершенно ошарашена. Только что он стоял напротив, да, близко, даже очень близко, но ведь по понятной причине. Я держалась расслабленно, абсолютно не ожидая подвоха. И вдруг он наклонился и накрыл мои губы своими.

От удивления я сперва никак не отреагировала. Просто замерла без движения, предоставляя Альдригу делать то, что захочет. Его кожа была прохладной, мягкой, чуть солоноватой на вкус. Потом моё тело будто в один миг разморозилось. Тёплый огонёк зародился внизу живота и стал подниматься всё выше, постепенно превращаясь в волну, захлёстывающую сознание. Теперь я тоже приоткрыла губы и начала жадно ловить прикосновения, настаивать, овладевать. Этого мне показалось мало, и я обвила руками его шею, притянула ближе.

Прикосновения Альдрига были мягкими и жадными одновременно, и я почувствовала, как начинает кружиться голова. Ну ещё бы, неудивительно, что он так хорошо целуется, у него богатый опыт. Я резко отстранилась, будто обожглась, и оттолкнула его от себя.

– Не смей! – Я дрожала, и голос плохо слушался. – Не смей благодарить меня таким образом, слышишь? И извиняться тоже! Ничего не смей!

Выражение недоумения на его лице сменилось яростью. Опрокинув стул, он вышел из комнаты и громко хлопнул дверью.

Я опустилась на второй стул и схватилась рукой за голову. Одри Стэнфорт, прости господи, леди! Ты что вообще творишь? У тебя голова на плечах есть или отвалилась за время путешествия? Парень – понятно, у него в голове бардак. Он неизвестно сколько месяцев (но как минимум месяцев, это совершенно точно) жил, мягко говоря, не самой нормальной жизнью. В которой присутствовали и герцогиня, которая не помнит его имени, и кастелянша, от одного вида которой его тошнит, и всевозможные подруги, гости, официальные и неофициальные лица. Он так привык. И до сих пор не вполне понимает, на каком он свете.

Я осторожно потрогала гематому, погляделась в зеркало. Парень почувствовал себя виноватым – решил расплатиться. Так, как умеет. Здесь всё очевидно. А вот ты, леди Одри, каким местом думала? Грамоту, значит, разорвала, а воспользоваться рабом по назначению всё-таки захотелось? Тебе мужчин в Дилии мало? Или решила переключиться на молоденьких? Так давай, опусти возрастную планку ещё лет на семь – и могла бы нарваться на собственного внебрачного сына, как в одном модном романе. Благо, что у тебя таких нет.

Как теперь всё это разгрести? Ладно если он сбежит от тебя, как от огня – и правильно, к слову, сделает. А если нет?

Послав всё на свете к чёрту, я разделась и легла спать. Не тут-то было. Недавний поцелуй...вспоминался. Уснуть никак не удавалось. Как следует разозлившись, я запустила подушкой в стену. Нашупала ещё одну, подтянула под голову и сосредоточилась на том, что обычно помогало мне обрести душевное равновесие: на службе. Как ни крути, задание я сегодня выполнила вполне удачно. Да и в остальном поездка прошла успешно. Так что в ближайшее время можно будет отправляться к министру с отчётом. А заодно и любовника себе при дворе присмотреть. Подходящего возраста и социального статуса. Приняв чёткие решения по всем вопросам, я наконец уснула.

Копыта размеренно цокали по неровным камням мостовой. К счастью, к утру дождь закончился, а сильный ветер разогнал облака. Так что в недавнюю непогоду трудно было бы поверить, если бы не лужи и их неизменная спутница – грязь под лошадиными ногами.

- Мы скоро выезжаем к границе. Что скажешь? Останешься здесь или поедешь со мной дальше?

Прежде чем задать этот вопрос, я долгое время молча управляла фазтоном, с сомнением косясь на спутника. Я хорошо понимала: вот он, мой последний шанс избежать лишних сложностей. Если Альдрик высадится в Лигарде или даже за городской чертой, но в пределах Сильверии, я спокойно вернусь к обычной своей жизни, как если бы ничего из ряда вон выходящего в этом путешествии не произошло. Если же возьму его с собой, приму на свои плечи ответственность, с которой сама пока не знаю, что делать. Но обещание есть обещание, а значит, выбирать теперь не мне.

- В этой вашей Дилии действительно нет рабства? – спросил он, глядя прямо перед собой.

- Не то, чтобы совсем нет... - Я помолчала, раздумывая над формулировкой. – Работорговля запрещена, но теоретически любой подданный Дилии может привезти раба из-за границы. Так иногда поступают, но в целом это не принято.

- В этом случае раб остаётся рабом?

- Да. Но тебе беспокоиться не о чем. Даже если бы я передумала и искусала губы в кровь, грамоты у меня уже нет, а без документов право владения не докажешь. Клеймо свидетельством не является.

- Теперь я спокоен.

Оторвавшись от созерцания дороги, я метнула на Альдрига испытывающий взгляд. Интересно, он сам-то знает, когда говорит с сарказмом, а когда – на полном серьёзе? А то лично мне даже со способностями менталиста не всегда понятно.

- Я бы, пожалуй, посмотрел на такую страну.

Ну вот, мои надежды на спокойную жизнь горели синим пламенем. С другой стороны, когда я боялась сложностей? Я вообще мало чего боюсь, поскольку самое страшное уже повидала, и хочешь – не хочешь, а не развидеть.

- Годится, - сказала я вслух. – Так что, всё решила «нежная любовь» к родине?

- Отчасти, - откликнулся он. И резонно добавил: – Тебе вроде Сильверия и самой не слишком понравилась.

- Я не показатель. Мне вообще мало что нравится.

Альдрик кивнул.

- Так лучше всего.

Во всяком случае, наше общение приобрело ту же своеобразную непринуждённость, что и до вчерашнего происшествия. Похоже, мы пришли к негласному соглашению: история с поцелуем забыта и похоронена. Вот и хорошо.

Глава 10

Свой городской дом я любила. На душе стало теплее, когда с левой стороны от дороги показались светлые бежевые стены, ровный ряд высоких окон с тонкими коваными решётками на первом этаже, узкий балкон с чёрным узорным ограждением – на втором. Почти все окна задёрнуты плотными шторами, и только в одном, справа от балкона, штора отодвинута, и створка приоткрыта: Иветта проветривает кабинет. Вероятно, и спальню тоже, но та выходит на другую сторону, где не так шумно. А вот и деревянная дверь, выкрашенная в тёмно-зелёный цвет, с тремя ведущими к ней ступеньками.

Но сперва надо было разобраться с фаэтоном. Узкий проезд (достаточный ровно для того, чтобы прошла пара лошадей) вёл во двор – тесный, вымощенный камнем. В глубине стоял сарай с широкими воротами; оттуда, как и всегда, тянуло запахом сена.

Бросив поводья, я вышла из экипажа. Альдрик последовал моему примеру, правда, соскочил прямо с верхней ступеньки. Я приветственно помахала рукой Иткерну, моему постоянному кучеру, который как раз выходил из сарая нам навстречу.

- Как прошло путешествие, леди Одри? – спросил он, улыбаясь.

Крупный, чуть-чуть нескладный рыжеволосый парень с веснушками – любо-дорого посмотреть.

- Как обычно: прошло – и ладно, - откликнулась я, нарочито игнорируя вопросительный взгляд, устремлённый на моего спутника. Сами потом познакомятся, а может, и не придётся. – В доме небось все в сборе?

- Да уж наверняка, восточку-то вашу ещё утром получили.

Я кивнула с некоторым раздражением. Нет, я, в целом, всех рада видеть, но слишком устала с дороги. Прощмыгнуть бы сейчас прямо отсюда, со служебного входа, на чёрную лестницу, а оттуда – к себе в спальню, и закрыться от человечества часиков на пятнадцать. Да нельзя. Во-первых, меня ждут – и, понятное дело, у парадной двери. Во-вторых, спутника моего, как ни крути, надо где-то устроить. В-третьих, да мало ли какие срочные дела могли возникнуть в моё отсутствие?

Пришлось скрепя сердце возвращаться на главную улицу и заходить через зелёную дверь, которую, конечно же, предупредительно распахнул Керсингтон. Керсингтон – мой дворецкий, человек, который полностью распоряжается в доме в моё отсутствие. Импозантный сорокадвятилетний мужчина, в любой ситуации знающий, как себя правильно вести. Идеально дополняющий меня, которая в нерабочее время мало беспокоится о таких вопросах.

Помимо него и кучера, большую часть времени проводившего во дворе и каретном сарае, в доме на постоянной основе жили две женщины: Нэнси, кухарка, и её племянница Иветта, которую я с год назад взяла к себе в горничные. Нэнси отлично ладила с Керсингтоном, несмотря на более живой темперамент и некоторую склонность к болтливости. Энергичная, никогда не унывающая женщина с копной золотисто-рыжих волос, она великолепно готовила и, кажется, могла расположить к себе любого. Иветта, совсем юная девушка, возможно, была не столь совершенна в своей роли, но за неё попросила тётя, к тому же она была старательна и аккуратна, а мне, в общем, многого и не требовалось. Остальные слуги были приходящими, главным образом помогали с уборкой, и я почти не имела с ними дела, поскольку наймом и руководством занимался Керсингтон.

И вот сейчас эти трое – дворецкий, кухарка и горничная – выстроились в ряд, приветствуя свою хозяйку.

- С возвращением, госпожа! – торжественно поздоровался за всех Керсингтон.

- Всем прекрасного вечера, - отозвалась я, проходя в гостиную и швыряя ридикюль на первый попавшийся стул.

Остальные проследовали за мной, вынужденные моментально закончить с официальной частью.

- Как прошла ваша деловая поездка, леди Одри? – вежливо осведомился Керсингтон.

- Идеально. Что-нибудь срочное было?

- Нет, леди Одри. Вся почта у вас в кабинете.

- Отлично, в таком случае просмотрю её завтра.

- Вам понравилась Сильверия? – подала голос Иветта.

- Чрезвычайно. Кстати, я привезла тебе серёжки. Но надо подождать, пока Иткern доставит мой багаж.

- Благодарю вас.

Девушка ответила мне, но смотрела при этом исключительно на моего спутника.

- Леди Одри, а кто этот молодой человек? – облекла в слова всеобщее любопытство кухарка.

- Это Альдриг, мы повстречались в Сильверии. Знакомьтесь. Нэнси, покажи ему потом, где у нас что. Керсингтон, выделите ему какую-нибудь комнату на первом этаже. Горячая вода есть?

Я с ухмылкой наблюдала за тем, с каким трудом Иветта отрывает взгляд от Альдрига.

- Конечно, госпожа Одри, всё готово.

- Отлично. Тогда я, пожалуй, пойду к себе. Увидимся завтра!

И я сбежала.

На следующий день я встала что-то около десяти, неспешно умылась (Иветта как раз вовремя принесла кувшин с тёплой водой), нацепила одно из своих домашних платьев и спустилась к завтраку. Меня ждали свежеспечённые булочки (их запах привёл бы в столовую, даже забудь я, где она находится), омлет и всякие мелочи вроде колбасной нарезки. Запив всё это горячим шоколадом (у Нэнси он – лучший), я прошла в холл. Широкая парадная лестница вела на второй этаж. Правда, к неудовольствию Керсингтона, я нередко пользовалась второй, служебной, спускавшейся ближе к кухне и выходу на каретный двор.

В данный момент я остановилась возле деревянного столика на изящной ножке и взяла в руки одну из оставленных здесь дворецким газет.

- Госпожа Одри, а сильверийские мужчины – они какие? – с любопытством спросила заглянувшая в гостиную Нэнси.

- Такие же, как везде, - пожала плечами я. – Две руки, две ноги, а голова в большинстве случаев одна.

- Одна голова – это хорошо, ежели её использовать по назначению, - рассудительно заявила кухарка. – А герцога вы видели?

- Не герцога, Нэнси, герцогиню. В Сильверии всем заправляют женщины.

- Неужели правда? А я думала, болтают люди. Неправильно это.

- Так-таки неправильно? – рассеянно спросила я, просматривая статью о встрече первого министра с новым послом соседнего государства.

- Не отвлекай госпожу, Нэнси, - проворчал Керсингтон. – Ты мешаешь ей сосредоточиться.

- Вот можно я обойдусь без твоих советов? – огрызнулась та. – Сама разберусь, когда я мешаю, а когда нет.

Гордо вскинув голову, она зашагала обратно, в гостиную и оттуда – на кухню. Я закрыла газету и положила её обратно на столик. Альдриг спускался по лестнице, кажется, только что осмотрев второй этаж. Я отметила, что он и сегодня повесил на пояс меч, похоже, полноценно вжившись в образ моего охранника.

- Леди Одри, - я бы хотел вас спросить, - вполголоса обратился ко мне Керсингтон. – Этот молодой человек... Прошу прощения, но я никак не могу взять в толк, каков его статус в этом доме. Следует ли к нему относиться как к слуге, как к гостю или как к хозяину?

Я задумчиво встретила его вежливый вопросительный взгляд. Резонные сомнения, не считая, конечно, последнего предположения.

- Пожалуй, пока - как к гостю, Керсингтон, - рассудила я. – Не высокому гостю, а... К Нэнси полгода назад кузен приезжал, помнишь? Вот как-то так. Захочет – уйдёт, захочет – вернётся, а там увидим. Ну, а хозяйка здесь только я, других не предвидится.

Я подмигнула и направилась к себе. Надо было подготовиться перед визитом к министру, назначенным на половину третьего. Иветта стояла у перил и опять наблюдала за Альдригом. Что ж, почему бы и нет? Она, конечно, юная, романтически настроенная девушка без капли опыта, но, может, ему как раз такая и нужна? Руну его не свести, но я её спрятала под таким же лёгким слоем магии, какой прежде скрывал шрамы на спине. Здесь эта деталь биографии никого не касается. А в остальном... Ну, во всяком случае он её не обидит, в этом я уверена. А дальше сами разберутся.

Кабинет государственного секретаря по иностранным делам Ардида вен Сольдо был просторен, дорого обставлен, но не роскошен: каждый предмет имел здесь чёткое предназначение. Массивный деревянный стол, заваленный бумагами, кресло министра и кресло для посетителей, которое в данный момент занимала я, несколько запасных стульев у стены на случай совещаний, большой камин, на полках – книги и свёрнутые карты. Несколько карт, наиболее часто используемых, висели на стенах, а справа от стола красовался крупный напольный глобус. В углу - секретер с многочисленными закрытыми ящичками и отделениями для писем.

Сам министр, пятидесятилетний мужчина среднего роста, весьма моложавый и энергичный для своих лет, хотя и не без налёта хронической усталости, сидел за столом и с интересом смотрел на меня поверх поданного секретарём бокала.

- Так как же вам понравилась Сильверия? – полюбопытствовал он.

- Совершенно не понравилась, - призналась я, в свою очередь пригубив вино и откинувшись на спинку кресла. – Нравы у них чрезвычайно своеобразные.

- В самом деле? Жаль. А я полагал, вам это направление будет интересно. Как-никак почти матриархат.

- Люди – чрезвычайно странный вид: умеют испортить любую хорошую идею, - вздохнула я.

- Но сильверийкам всё неплохо удаётся, - заметил вен Сольдо. – Почти полная автономия внутри своего королевства и очень, знаете ли, неплохие показатели.

- Понимаю, но это всё ненадолго.

- Да, я читал ваш отчёт. Что же, полагаете, бунт – это исключительно дело времени?

- Совершенно в этом уверена. Там уже отвратительная ситуация с преступностью. По дороге назад я дважды подверглась нападению.

- А я говорил, что вам необходима охрана, - нахмурился министр. – Неоднократно говорил. А вы всякий раз отказываетесь. Что это, право, за ребячество?

- Милорд, так нечестно! – возмутилась я. – Вы бьёте козырем, который я сама дала вам в руки. Я ведь могла ни о чём не рассказывать. К тому же, похоже, вопрос охраны разрешился сам собой, ко всеобщему удовлетворению.

- Вот как? Нашёлся наконец кто-то, чьё присутствие вы готовы терпеть в своих путешествиях?

- Тот же, кто выручил меня в тех двух инцидентах в Сильверии.

- Знает своё дело?

- Ну, он в одиночку обезвредил четверых. Почти в одиночку: я помогла, но совсем чуть-чуть.

- Что ж, это впечатляет. А дара боевой магии у него случайно нет? А то нам, знаете ли, чрезвычайно не хватает специалистов.

- Чего нет, того нет, - развела руками я. – Никакой магии.

- Жаль. Но всё равно хорошо. Итак, вы считаете, что дамы Сильверии с управлением не справляются?

Вен Сольдо поднял со стола печать, рассеянно переложил её из руки в руку, а затем убрал в один из многочисленных ящиков.

- Дело не в том, что они дамы, - поморщилась я. - Те же ошибки мужчины совершали неоднократно, история знает немало таких случаев. Скорее мы в очередной раз наблюдаем, что люди есть люди, не столь важно, какой они национальности или пола. Желание получить как можно больше, отдав за это как можно меньше, старо как мир. Они сделали ставку на рабство, накупили кучу народу из-за моря, а это не урождённые невольники, которые никогда не знали другой жизни и с молоком матери впитали принцип «терпи, как бы плохо ни было». Это бывшие воины, торговцы, даже аристократы. И они точно знают, что бывает по-другому.

- Вы полагаете, именно они и устроят бунт?

- Их одних было бы недостаточно. Но через них и местные постепенно узнают, что терпеть – не единственный вариант. А длится всё это далеко не первый год. Бунт начинается тогда, когда людям нечего терять – и, как по мне, эту черту там уже переступили. А умный правитель всегда знает, до какого момента можно наживать на народе, а где следует остановиться.

- Наш государь никогда не наживает на своём народе, - поспешил отметить министр, покосившись на висящий на стене портрет.

- Ну конечно же нет! – покладисто согласилась я.

Любой правитель наживает на своём народе, господин министр, и вы знаете это не хуже меня. Но мы, разумеется, продолжим дружно делать вид, будто подобные мысли никогда не приходят нам в голову.

- Как обстоят дела в нашем королевстве? – поинтересовалась я, раз уж мы волей случая сменили тему на Дилию. – Случилось что-нибудь, требующее моего внимания?

- Пока нет. – Вен Сольдо повертел в пальцах писчее перо. – Правда, вот архиепископ тяжело болен. Похоже, ему осталось недолго.

- Это может как-то сказаться на наших делах?

- Леди Стэнфорт, вы неисправимы, - протянул министр с некоторым даже уважением в голосе. – Укротите немного свой цинизм, выразите хотя бы сожаление, прежде чем переходить к делам.

- Если вам так угодно, милорд. Да нет, его высокопреосвященство неплохой человек, но он прожил долгую и, как я понимаю, вполне счастливую жизнь. Девяносто один год – что поделать, никто из нас не вечен. Я видела слишком много совсем других смертей – людей молодых, жизнерадостных, девчонок и мальчишек, тех, кто ничего ещё толком не успел. Так что уж простите мне некоторую циничность.

- Я понимаю, вы пережили события того июля. Может быть, велеть, чтобы вам принесли ещё вина?

- Благодарю вас, милорд, - покачала головой я. – Поверьте, если бы я искала исцеления в вине, давно бы уже спилась. Так что же насчёт архиепископа?

- В среде церковников наблюдается большой ажиотаж. Борьба за власть уже началась, пускай пока и неофициально.

Что ж, это неудивительно, совсем неудивительно.

- И после этого вы упрекаете в цинизме меня! Медведь ещё не успел почить, а молодые охотники уже делят его шкуру. И кто же главный претендент? Полагаю, нынешний епископ Гертийский?

Это был самый естественный преемник. Священнослужитель, отвечавший за центральную часть страны, включавшую в себя и столицу. Не идеал, что бы ни думали на этот счёт люди религиозные, но и никаких препятствий для дел министерства я с этой стороны не видела.

- Не только он. Похоже, пальму первенства пока делят двое: епископ Гертийский и Генрих Сорес, прелат Кантонии.

Я вскинула голову и инстинктивно подобралась. Распрямила спину, опёрлась обеими руками о край стола.

- Это плохо.

Прелат восточной провинции славился своей религиозной нетерпимостью. Он глубоко ненавидел всех, кто хоть немного отклонялся от канона, подписанного Синедрионом три века назад, и настаивал на необходимости истребить всех еретиков. До сих пор он имел мало власти за пределами своей территории, да и там был вынужден подчиняться решениям архиепископа и короля, а потому воспринимался многими как персонаж гротескный. Но если вен Сольдо говорит, что у Генриха появился реальный шанс прибрать власть к рукам... Это могло стать началом катастрофы.

- Только религиозных войн нам не хватало, - пробормотала я.

- Да уж, это было бы крайне нежелательное развитие событий, - согласился министр. – И, как вы понимаете, имело бы к нам непосредственное отношение. Однако отчаиваться пока рано. Всё это не более чем слухи.

«Слухи» в исполнении государственного секретаря по иностранным делам – это чуть больше, чем пустые сплетни. Так что новости тревожили. Но вен Сольдо прав: пока слишком рано. Быть может, опасения не оправдаются. Быть может, наши церковные друзья сумеют предотвратить приход фанатика к власти.

Глава 11

В тот день я прошла через свою любимую книжную лавку (как раз доставили пару томов из тех, что я заказывала), а затем вернулась домой. Вечером, стоя у лестницы на втором этаже, я наблюдала за тем, как внизу Иветта о чём-то беседует с Альдригом. Услышать содержание разговора я не могла, слишком далеко, но этого и не требовалось: я не хотела вмешиваться, мне было интересно просто наблюдать. В данный момент впечатление складывалось такое, что девушка получает от беседы удовольствие, Альдриг же скорее согласен её терпеть. Для начала – не так уж и плохо.

- Вы полагаете, из этого знакомства выйдет что-то путное? – спросил Керсингтон, остановившийся возле меня и тоже разглядывающий молодых людей.

Он только что закончил первый вечерний обход второго этажа и зажёл в коридоре свечи. Я тысячу раз говорила, что магические светильники намного удобнее и требуют меньше усилий, но дворецкий настаивал на том, что не хозяйское это дело – заниматься освещением, а если мне так уж приспичило, могу вытворять что угодно в своей спальне и кабинете. Но в остальном доме всё будет как полагается. Разумеется, это не его слова, а мой вольный пересказ.

- Я полагаю, ничего *не*путного из этого знакомства точно не выйдет, - заявила я. – А в остальном – поживём-увидим. Вряд ли, конечно, но, согласись, это было бы неплохо.

- Почему это представляется вам маловероятным? Полагаете, они не сойдутся характерами?

- Что вы, Керсингтон! – Я рассмеялась, и Альдриг поднял голову, впервые меня заметив. Однако на сей раз расстояние играло на моей стороне: он тоже не мог расслышать наш разговор. – Я даже характера Иветты толком не знаю, что уж говорить об этом юноше. Я полагаю, они не сойдутся тараканами.

- Простите, чем?!

- Тараканами, Керсингтон. Это такие вредные, противные мелочи, которые водятся в подвалах и в головах.

Я для наглядности постучала себя по макушке.

- Ах, вы имеете в виду тараканов в метафорическом смысле.

- В нём самом, Керсингтон. Видите ли, у меня есть теория о счастливых браках. Только не смейтесь! – добавила я, хотя дворецкий, разумеется, даже не улыбнулся. – Согласитесь, кому же теоретизировать о счастливых браках как не мне? Так вот, согласно моей гипотезе, счастливый брак возможен лишь в том случае, когда у жены и мужа приблизительно одинаковые тараканы.

- А у этих двоих, вы полагаете, дело обстоит иначе?

По тону Керсингтона я прекрасно поняла, что он не воспринял мою теорию всерьёз, и всё же ему было любопытно, что я отчебучу на этот раз.

- Увы. Тараканы нашей милой Иветты – крохотные и по-своему очаровательные, они ходят на задних лапках и носят юбочки с кружевами. А тараканы Альдрига – крупные и раскормленные. – Я задумчиво посмотрела туда, где совсем недавно беседовала обсуждаемая нами парочка; к этому времени оба успели разойтись по своим делам. – Так-то, Керсингтон. Они попросту в разных весовых категориях. А теперь признайтесь честно, - мой взгляд сфокусировался, и я перевела его на собеседника, - Нэнси говорила, что сегодня будет на ужин?

Почти весь следующий день я провела за покупками, нужными и не очень. Приобрела ещё пару книг (попроще, чем вчера), всякие аптекарские мелочи, кое-какие специи (после бурного обсуждения с Нэнси) и изящную статуэтку, не имеющую никакой художественной ценности, но чем-то меня зацепившую. Кроме того, давно было пора заказать у портнихи новое платье, так что я занялась и этим.

Словом, день прошёл в меру спокойно и в меру утомительно, как раз то, что требуется в качестве передышки для умственной деятельности. Дальнейший план заключался в том, чтобы немного почитать, а затем снова поработать над сильверийскими записями, поэтому, как следует выспавшись и позавтракав, я направилась в библиотеку. Решила просмотреть книгу, купленную перед моим последним путешествием. Изначально я отвела на это занятие от силы десять минут. Однако данный научный труд оказался столь интересным и столь точно формулировал то, что я имела неудовольствие наблюдать в Сильверии, что я зачиталась и совершенно забыла о времени.

Так что прошло около двух часов, когда я внезапно отвлеклась и обнаружила Альдрига, стоящего прямо передо мной и разглядывающего мою книгу.

- И что такое «психология»? – полюбопытствовал он.

Я нахмурилась: рассмотреть обложку, пока я читала, он точно не мог. Ах, ясно: название главы было выведено вверху открытой страницы. С учётом всего, что я знаю об Альдриге, ничем хорошим это не кончится.

Я вздохнула и указала ему на стул. Немного помедлив, парень всё-таки переставил его поближе и сел.

- Психология – это новая наука, можно сказать, только зарождающаяся, – объяснила я. – Она изучает человеческую психику. Наши чувства и мысли, откуда они берутся, от чего зависят, как влияют на поведение, и всё такое прочее.

- И что же такое «рабская психология»? – предсказуемо спросил он, процитировав название главы.

- Это то, чего у тебя нет. – Я устало поморщилась. – Слушай, мы не могли бы разок обойтись без цунами ненависти, которым ты регулярно захлёстываешь всё эмоциональное пространство на милую округу? У меня от этого болит голова.

- Ты менталист.

И не поймёшь: то ли спросил, то ли выдвинул обвинение. На всякий случай я выдала ответ, более-менее уместный в обоих случаях.

- Вообще-то можно было и раньше догадаться.

Альдриг немного помолчал, вроде как впитывая новые сведения.

- И что, ты всё время отслеживаешь, кто что чувствует?

- Ещё не хватало, – с непритворным ужасом возразила я. – В повседневной жизни вообще стараюсь этим не заниматься. Но если чувства совсем уж сильные, до меня доносятся отголоски, хочу я того или нет.

Альдриг ещё немного подумал.

- И от меня исходит ненависть?

- Не всегда. Но часто.

- А что ещё?

- Не знаю. Слушай, я же специально не копаюсь. И не все чувства умею различать. Просто ненависть, гнев, агрессия – это самое элементарное. Лежит на поверхности.

- И во время путешествия ты чувствовала это в ком-нибудь ещё? Или только во мне?

- В Сильверии-то? Смеёшься? У вас там ненавистью фонит от каждого третьего.

Он кивнул и опустил глаза в пол, о чём-то раздумывая. Я перелистнула страницу.

- Ты сказала, что не все чувства умеешь различать, – снова подал голос Альдриг. – От чего это зависит?

Я подняла взгляд, отрываясь от текста. Вроде бы смотрит с любопытством.

- Бывают чувства более-менее простые, а бывают сложные, с массой составляющих. Чем этих составляющих больше, тем легче ошибиться. Люди и сами зачастую не знают, что чувствуют. Иногда я могу разобраться лучше, чем они, а иногда, наоборот, хуже. Особенно плохо

– если речь об эмоциях, в которых я сама не слишком ориентируюсь. Не знаю, материнский инстинкт, например. Мне он непонятен, поэтому я и определяю его с трудом.

- А что ты умеешь определять? Ты сказала, гнев, агрессия, ненависть. Что ещё? Если ненависть, значит, и любовь?

- Ты что, издеваешься? – фыркнула я. – Во-первых, эти понятия вообще не симметричные. Любовь намного сложнее. А во-вторых, вот уж о чём я ни черта не знаю. Я не умею любить. Можешь считать меня калекой. Знаешь, бывают люди без руки, без ноги, слепые. А я вот такая. Поэтому нет, любовь не считываю.

Альдрик скептически прищурился.

- Так-таки не умеешь любить?

- Ну не знаю, в это слово же вкладывают миллион смыслов. Если вдуматься, по-своему я, наверное, люблю, например, своих домочадцев. Нэнси, Керсингтона, Иветту. Даже скучаю по ним немного, когда уезжаю. Дом этот кстати люблю, тут никаких сомнений. Ну... родину свою люблю, между прочим, как бы это нелепо ни звучало. Но ты же небось не то имеешь в виду? Обычно, когда говорят «любовь», имеют в виду что-то вроде любви женщины к мужчине. Романтической. Вот этого я точно не умею.

- Почему?

- Сначала я банальным образом была слишком юной, а потом резко стало не до романтики. Так что любовь я не считываю, - заключила я, чтобы разговор, не дай боже, не перешёл в опасное русло моего прошлого. – К слову, общению с мужчинами это не мешает. Я бы сказала, даже помогает.

- Да, это мне уже объяснили, - хмыкнул Альдрик, рассматривая другие книги, разбросанные по столу.

- Ха! Давай угадаю. Нэнси наябедничала?

С этой темой, в отличие от той, куда чуть не зашёл разговор прежде, я чувствовала себя совершенно свободно. Да и странновато было бы зардеться и смущаться, учитывая недавний род занятий собеседника.

- Почему ты так решила?

- Кто же ещё станет сплетничать о моём моральном облике? Не Керсингтон же!

- Вообще-то я не собирался вот так её подставлять.

- Всё в порядке, - отмахнулась я, - она не со зла. Просто она искренне переживает за мою загубленную репутацию.

- А она у тебя загублена? Другие так-таки мужчин не водят?

- Водят все. Но многие стараются этого не афишировать. Замужние – потому что у них мужья, а девицы на выданье – чтобы отхватить жениха повыгоднее. Но у меня-то ни той, ни другой причины нет. Поэтому я предпочитаю не тратить лишние силы на игры в прятки.

Не исключено, между прочим, что сильверийки решили прислать мне раба как раз из-за моей репутации дамы, интересующейся, скажем так, мужским полом. Переоценили они меня, конечно, ну да им простительно. Другая культура и всё такое прочее. А может, я и ошибаюсь, может, они всех гостей так привечают. В любом случае, эта была одна из тем, поднимать которые в присутствии Альдрига не следовало.

- Нэнси считает, что я должна найти себе приличного вдовца, - добавила я в порядке сплетни.

Альдрик выразительно приподнял брови, что в его случае, пожалуй, могло сойти за смешок.

- По-моему, с твоими деньгами и связями замужество не должно представлять проблемы, было бы желание. Или я чего-то не понимаю в дилийском обществе?

- Всё ты понимаешь. Но Нэнси несколько старомодна. Так что в её картине мира вдовец – это мой последний шанс. Время от времени она проводит со мной на этот счёт душеспаси-

тельные беседы. Сначала меня это забавляет, потом я просто не хочу с ней ругаться, потом всё-таки ругаюсь. Дальше всё снова идёт по кругу. Так что если услышишь женские вопли из кухни, не напрягайся. Все остальные в доме привыкли. И не пытайся нас разнимать: это отлично удаётся Керсингтону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.